Л. 34
П 29
34

ПИОНЕР

19

ОГИЗ Молодая гвардия 1931

Г.П.Б. на обяз. экз.
Лнгр 1931 год
Акт № 5393

КУЛЬТУРНЫЕ ДИКАРИ

Милостыня

РИС. ХУДОЖНИКА Л. САВАНОВА

Франц Штук когда-то был кузнецом. Теперь безработный, он стоит в очереди во дворе берлинской биржи труда. Он стоит здесь четыре часа, пять часов. Наконец он подходит к окошку.

— Нет, вам не полагается больше пособия. Больше девяти месяцев пособие по безработице не выдается,

У Франца Штука по лицу течет пот.

— Так что же мне теперь делать? Умереть?

Возле окошка стоит полицейский с резиновой палкой в руках. На боку у него болтается маузер. Он усмехается.

— Идите просить милостыню, — говорит полицейский.

— Просить милостыню? — переспрашивает Франц Штук. — Вот эту руку протянуть за подачкой? — Он рассматривает свою руку — твердую и широкую, как доска. — Вот эту руку... — говорит он. — А ну, повтори, шупо, что ты сказал.

Полицейский отступает на шаг. Он сжимает свою палку в руках.

— Вы не уходите? — прищурившись, говорит он. — Раз... Два...

— Три! — рявкнул вдруг Франц Штук, — и шуцман присел от удара: тяжелый кулак загнал его голову в каску по самые глаза.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

О ПРОМФИНПЛАНЕ ЛИГИ НАЦИЙ — А. ЛЕБЕДЕНКО, 2—3

ДЬЯВОЛЫ — Л. ОСТРОВЕР, 4—5

ИМ НАПЛЕВАТЬ — Л. ВОРОНКОВА, 6—7

ИСТОРИЯ С ПРОТИВОГАЗАМИ — Я ТАЙЦ, 8—9

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР — М. ФЕДЮШКИН, 10—11

„ЧУДО" НА РАЗ'ЕЗДЕ — С. ГУРОВ, 12—13

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ КАПИТАЛА, 16—17

„ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ" — Э. ХАММЕРС, 18—20

ХУДОЖНИКИ: Б. ВИНОКУРОВ, А. ЩЕРБАКОВ, Г. БЕРЕНДГОФ, ЩЕГЛОВ И ДР.

ОБЛОЖКА ХУД. А. ЩЕРБАКОВА

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

Ответственный редактор **И. РАЗИН**

БОЕВОЙ И СТАРЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

(Восьмой год издания)

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Адрес редакции: **Москва, Центр, Новая площадь, 6/8. Прием авторов от 1 ч. до 4 ч. ежедневно, кроме выходных: 2, 7, 12, 17, 22, 27**

КАЛЕНДАРЬ ПЯТИЛЕТКИ

НОВАЯ ФАБРИКА

Закончена строительством и включилась в социалистическую промышленность намеченная по пятилетке обогатительная фабрика в Зыряновске (Казакстан). Эта фабрика оборудована по последнему слову техники, уже в текущем году даст **45 тыс. тонн переработанной руды, добываемой на свинцово-цинковом руднике в Зыряновске.**

БАКАЛЬСКИЙ МЕТАЛЛОГИГАНТ

Бакальский металлургический завод будет выпускать **2 млн. 700 тыс. тонн чугуна.** Специальная экспедиция из Ленинграда выбрала место для постройки этого гиганта. Металлогигант будет строиться в 5 км. от Челябинска.

НОВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

В Армении, в Мегри, приступили к постройке новой гидростанции мощностью в 1 350 лошадиных сил. Электростанция будет открыта в октябре 1932 г.

2 300 КОМБАЙНОВ

Комбайн — универсальная машина для уборки хлеба. В комбайне сочетаются жнейка и молотилка. Для работы с комбайном требуется меньше людей, чем это нужно было бы, если бы работа проводилась не комбайном. Стоимость уборки в 2-3 раза дешевле, зерна теряется в 2-3 раза меньше, чем при уборке сноповязалками. Хлеб на целый месяц поступает раньше на рынок, так как сокращается время для уборки и обмолота. Комбайны вырабатываются в СССР всего второй год на запорожском заводе „Коммунар".

„Коммунар" выпустил всего 240 комбайнов, а в мае—252 комбайна.

К уборочной кампании „Коммунар" **выпускает 2 300 комбайнов.**

О ПРОМФИНПЛАНЕ ЛИГИ НАЦИЙ

К ВЫСТУПЛЕНИЮ ТОВ. ЛИТВИНОВА В ЖЕНЕВЕ

А. ЛЕБЕДЕНКО

В мае 1931 г. в Женеве заседала европейская комиссия Лиги наций.

В Европе, как и во всем мире, идет все обостряющаяся экономическая война между различными государствами. Женевские „миротворцы" делают вид, будто они против этой войны тарифов. Они говорят о пан-европейском союзе народов.

Капиталистические министры не хотели приглашать СССР на заседание комиссии. Но без Советского союза нельзя сейчас делать ни европейскую, ни мировую политику. В конце концов СССР был приглашен в Женеву. В качестве представителя Советского союза поехал тов. Литвинов. Очерк показывает, что из этого вышло.

Если у нас, в стране строящегося социализма, какое-нибудь учреждение, какой-нибудь завод не выполнит промфинплана, его запишут на черную доску, отпечатают в „Известиях" и выставят на площади Дзержинского, у Никольских ворот, а директора снимут и заставят работать на менее ответственном месте.

В странах загнивающего капитализма дело обстоит иначе.

Взять например промфинплан Лиги наций. Даже на юбилее нечем похвастаться. Ни одного выполненного задания, ни одного успеха, ни одной предотвращенной войны, ни одного разрешенного Лигой конфликта, разрешенного по-настоящему, до конца. Поляки захватили силой Вильно. Французы бесчинствуют в Марокко и Сирии. В Палестине арабы режут евреев, евреи дерутся с арабами. Итальянцы готовы броситься на французов, французы — на немцев. Поляки угнетают белоруссов и украинцев, испанцы—басков и каталонцев, сербы—хорватов. Жалобы дождем летят в секретариат Лиги наций, но Лига наций еще не помогла ни одному обиженному просителю.

У деятелей Лиги наций есть только одно оправдание:

— Международные дела — это дела исключительной сложности. Такие дела разрешать очень трудно!

Пленумы Лиги наций, Совет Лиги наций, комиссии, подкомиссии, под-под-подкомиссии заседают без конца. Сколько рабочих часов потеряно зря, но „сложность дел" губит все.

В Лиге наций есть хозяева. Их немного, их знает весь мир, они на счету. Есть лакеи во фраках и смокингах. Этих больше. Лакеи во фраках подают и обслуживают. Отличаются белыми перчатками и салфеткой подмышкой. Другие — тоже лакеи, но в черных или цветных перчатках, в цилиндрах и без салфеток. Они не подают и не обслуживают — они голосуют. Как нужно голосовать, за кого голосовать и когда голосовать — они узнают в кулуарах. Где находятся кулуары, по совести говоря, никто не знает. Надписи такой ни в одном помещении нет. Где соберутся два или три дипломата или просто осведомленные люди, — там и кулуары.

Лакеи, которые голосуют, в чинах. Это генералы, министры, дипломаты, послы и даже премьеры. Скажите такому премьеру, что он лакей, он обидится. Он скажет: „Что вы, я — премьер".

Но это дела не меняет. Когда он голосует по приказу, полученному в кулуарах, он лакей.

Когда в такую компанию приходит человек с ясной головой, не лакей и не хозяин, ему становится не по себе. Но когда такой человек заговорит простым человеческим языком, то становится не по себе всей женевской компании. Но такие люди бывают в Женеве не часто. Это случается только тогда, когда в Женеву приглашают тов. Литвинова или Луначарского, людей Советской страны.

Лига наций из года в год толкует о разоружении. Толкует настолько успешно, что весь мир успел за это время перевооружиться на началах новой, гораздо более совершенной техники.

А когда приехал Литвинов и сказал: „Давайте разоружаться все сразу, одновременно, по-настоящему!" — поднялся вой. Да разве это возможно?! Выли дипломаты, выли газеты всех языков и мастей. Но вой воем, а смущение в Женеве было немалое.

Теперь Лига наций занялась оздоровлением экономики Европы, потрясенной кризисом.

Женевцы кричали:

— Виноват советский демпинг. Продают так дешево, что сбивают нам цены. Продают дешевле себестоимости.

О демпинге говорили на все лады. Писали во всех газетах и журналах.

Тов. Литвинов приехал и при большом внимании зала предложил:

— Знаете что, вы говорите виноват наш демпинг — это конечно смешно. Что значит советский вывоз по сравнению с мировой торговлей! Но чтобы не было споров, вношу предложение. Давайте установим международный закон, по которому никто не смеет продавать за границей товары по цене, отличной от цен на внутреннем рынке. СССР первый согласен подписать такой договор

Что может быть проще?

Это так же просто, как советский план одновременного разоружения.

Но в женевском зале все затихли. Простые, несложные вещи здесь, как брошенная бомба.

Но этого мало. Сейчас в мире идет перекрестная жестокая таможенная война. Страны, как штыками, как проволокой, отгораживаются одна от другой высокими тарифами. Воюют между собой не только такие страны, как Франция и Соединенные штаты, Германия и Польша, Китай и Япония, но даже внутри Британской империи доминионы ведут тарифную войну между собой и со своей метрополией — Англией. Чем глубже кризис, тем острее таможенная война. Чем острее таможенная война, тем глубже кризис.

Литвинов предлагает:

— Давайте подпишем пакт об экономическом ненападении. Давайте прекратим экономические войны. Давайте перестанем делить Европу на лагери экономически враждующих держав. Так легче будет бороться с кризисом.

Кажется, не осталось газеты, которая не откликнулась бы на выступление тов. Литвинова. Ему делали комплименты, хвалили его стиль. Но по существу дела все осталось по-старому. Мир вооружается. Экономические войны в полном ходу.

Но рабочий класс всего мира начинает понимать, что сложные женевские дела можно было бы разрешить и просто и по-настоящему.

Но такой промфинплан не по плечу Лиги наций.

Аристид Бриан — видный французский политический деятель, министр иностранных дел, кандидат в президенты республики.

На словах „за мир", за братство народов. На деле от'явленный милитарист, подготовлявший интервенцию против СССР.

„ВЕДЬ НЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ".

Я И Ц А

В Америке, в штате Калифорния, в городе Тюрлоке, 15 февраля в суд привели двух женщин. Они обвинялись в краже яиц.

— Расскажите, как было дело,— спросил судья.

Одна из женщин начала рассказывать.

— Видите, мистер. Мы проходили мимо Биржевого клуба. На улице перед клубом стояли ящики с яйцами — сто больших, длинных ящиков. Вы знаете, там большое окно, мистер. Нам все было видно. Там собралось десять человек. Они надели на себя жестяные нагрудники и стали бросать друг в друга яйца. Они разбили семнадцать ящиков, весь пол был залит яйцами. После двадцатого ящика они, как были в яйцах, сели пить вино. А служители стали таскать ящики с улицы внутрь. Тут я и говорю Мэри: „Мэри, они все равно перебьют все яйца. Давай возьмем по десятку". У нас много ребят, мистер, кожа да кости. Вы знаете, теперь безработица, нечем кормить детей.

Женщина замолчала.

— И вы украли яйца? — спросил судья.

— Так все равно они бы их разбили. Вы посмотрели бы сами — яйцо летит, летит и — крах об нагрудник. Они стояли в яйцах по щиколотку.

Судья обернулся к истцу. Это был румяный молодой человек в цилиндре, с белоснежной крахмальной грудью. Он вертел в руках чайную розу. Молодой человек улыбнулся.

— Совершенно верно,— скалал он, не вставая с места, — эти сто ящиков мы разбили потому, что на рынке слишком много яиц, на них начали падать цены. Мы решили уничтожить излишки яиц, чтобы прекратить падение цен. Это наше добро, и мы в праве делать с ним, что нам угодно. Не так ли, мистер? Могу вас уверить, что такого веселого турнира не было еще в нашем городе. А воровство...— он бросил быстрый взгляд на обвиняемых,— а воровство должно быть наказано. Ведь мы не в Советском союзе. Эдак у нас не будет ни одного покупателя: каждый придет и возьмет у нас яйца даром.

Через десять минут судья прочел приговор:

„Принимая во внимание тяжелое материальное положение обвиняемых, оштрафовать виновных в покраже яиц на 10 долларов [1] каждую"

[1] 1 доллар равен 2 рублям.

ДЬЯВОЛЫ

Л. ОСТРОВЕР

Мастера Хрущова ячейка направила в Сталинград на строящуюся электростанцию. Хрущов был недоволен командировкой.

— Куда я поеду? — плакался он товарищам. — Сорок лет, как одну копеечку, я отдал этому заводу. Стар я, товарищи, а там нужна молодежь. Горы ворочать..

Не помогли жалобы Хрущову — поехал.

На Волге, недалеко от немецкой колонии Сарепты, которая в прошлом славилась своей горчицей, раскинулась стройка электростанции. В степи вырастает город. Железные башни тянутся до небес, каналы протягивают щупальцы до желтых вод Волги, гигантские землечерпалки роют котлованы.

Ускоренными темпами идет работа. Главное здание еще без крыши, а внутри, в здании, уже работают арматурщики. Всюду щепа, камень, мусор. Через несколько месяцев по этим проводам потечет дешевая электроэнергия для заводов и фабрик Сталинградского комбината

Хрущов быстро обжился, вошел в работу. В разговорах все реже и реже упоминал он про московский завод.

Хрущов работал в машинном зале: он собирал ввезенное из-за границы оборудование. Одновременно с хрущовской бригадой работали французы. Они устанавливали железные фермы. Работали французы ловко, точно, как часовой механизм. Каждый француз знал свое место. Десять человек в три дня устанавливали ферму, состоящую из трех очень тяжелых частей.

Присматривался Хрущов к их работе и на седьмой день пришел к заключению, что французы волынят. Работают, правда, четко, не делают лишнего движения, но работают с прохладцей. Во главе бригады стоит инженер, немец. Снаружи все прилично: немец распоряжается, а французы выполняют, но стоит инженеру уйти, как французы передразнивают „боша" и замедляют темп работы.

Пошел Хрущов к начальнику строительства тов. Ерману и сказал ему:

— Волынят французы. Вражда у них с немцами, и работа страдает. Товарищ Ерман, разрешите мне подобрать бригаду и установить одну ферму.

— Обмозговать надо, товарищ Хрущов.

Степенным, старческим шагом вышел Хрущов от Ермана. Пришел в цех, посмотрел вверх: французы под крышей клепали балку. У Хрущова два часа свободного времени. Он сидит, курит, смотрит на работу французов. Наконец Хрущов встал и пустился быстрым, почти мальчишеским гоном к новенькому бараку. На маленькой двери барака выведено чернилами „Ячейка ВЛКСМ".

— В комсомол, дедушка, записаться пришел? — спросил озорной парнишка.

— Запишусь, внучек, — ответил Хрущов игриво, — только дай сначала присмотреться, что вы умеете.

— Все умеем! — ответил тот же парнишка.

— Все ли? — усомнился Хрущов.

К нему придвинулся секретарь ячейки.

— Ты ведь по делу к нам, товарищ? — деловито спросил секретарь.

— По делу. Бригада мне нужна. Французы работают не по-нашему. Давайте сами устанавливать фермы. Десять французов три дня канителятся над одной фермой, а нам такая канитель зарез.

— После смены придут хлопцы, поговорю с ними, — ответил секретарь.

Попрощались. Хрущов ушел на работу.

К нему подошел Ерман.

— Товарищ Хрущов, — сказал директор так, чтобы весь цех слышал, — разрешаю. Но смотри, Хрущов, не осрамись. Немец сказал, что русская бригада с одной фермой неделю провозится.

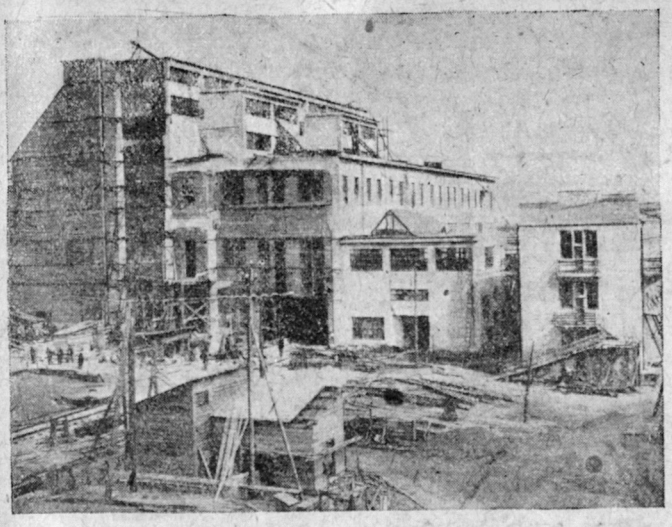
— Слышали, товарищи? — обратился Хрущов к цеху.

После работы пошел Хрущов в ячейку.

— Вот что, товарищи, Ерман перед всем цехом вызвал нас на соревнование. Работа очень трудная. Если не справимся, то лучше не браться.

Бригада была составлена до прихода Хрущова: в нее вошли три арматурщика, три сварщика и один слесарь. Парни молодые, почти без производственного стажа, но крепкие комсомольцы, проверенные.

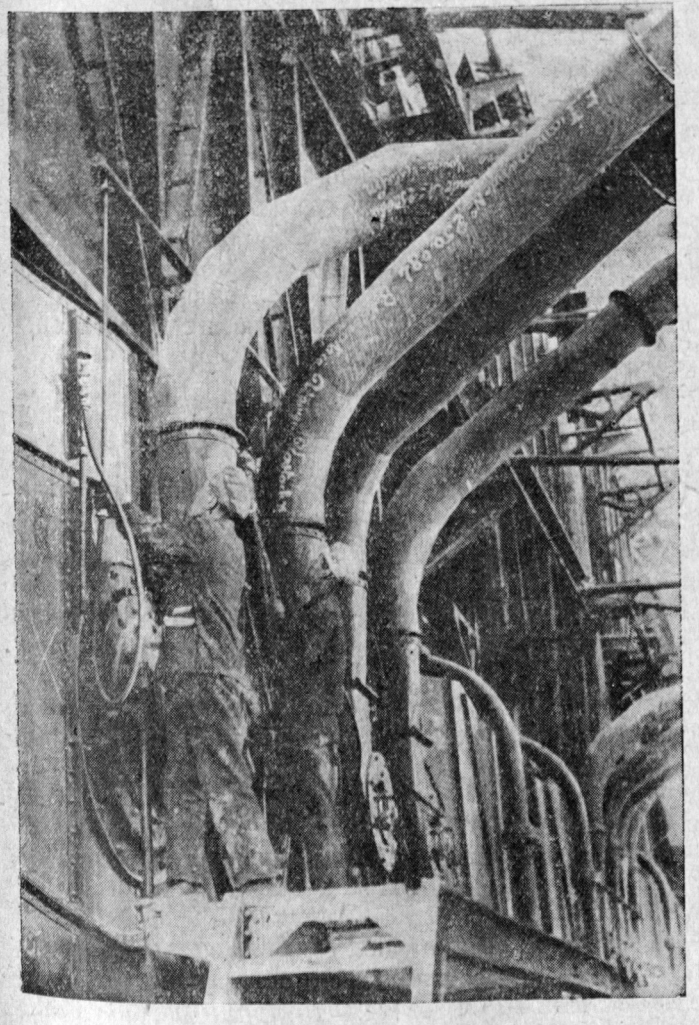
Близко к полуночи собралась бригада. Хрущов говорил по-стариковски, медленно, вяло. Но каждое его предложение было дельное. Бригадники заразились хрущовской осторожностью, обдумывали каждое слово. Решили: в свободную смену



КОРПУС СТАЛИНГРАДСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

отправиться всем в цех и присмотреться к работе французов. Так и сделали.

Через два дня отправились к Ерману.



— Обмозговали, товарищ Ерман, — сказал Хрущов.— Беремся сегодня за ночь установить седьмую ферму.

Ерман улыбнулся. Он верил Хрущову. Сам он пришел на строительство с партийной работы. Технических тонкостей он не знал, но был убежден, что энтузиазм поборет все трудности. Пожал всем руки.

— Смотрите, ребята, не подкачайте.

Французы ушли из цеха. Синий вечер окутал строительство. В клубе зажигались огни. Из города на трех машинах приехали артисты: готовилась постановка.

Никому ничего не говоря, разными дорогами пришла бригада в цех. План работы выработан заранее. Каждый стал на свое место. Дружно подняли железную балку, поставили ее, закрепили. Вторую балку было сложнее установить. Ее надо было поднять, поставить торчком на первую и закреплять на весу. Но и с этим справились. Очередь за третьей, за самой трудной. Работать надо было под крышей, без упора для ног. Балансировали, как канатоходцы. Работали молча, каждое движение было рассчитано.

Рассвет влился в цех молочной серостью. Электрические груши поблекли. Из степи налетел свежий ветерок.

— Товарищи,— крикнул слесарь Вань,— приналяг! Французы скоро придут.

С удесятеренной энергией принялись за работу. Усталые руки налились свежей силой. Ноги цеплялись за каждый винтик.

Наконец установлена третья балка. Седьмая ферма стояла гордо и прямо, как корабельная мачта. Принялись за клепку, за сварку. Работа спорилась.

Французы по-обычному пришли на работу с песней, но посмотрев на выросшую за ночь ферму, они остановились в дверях, смотрели расширенными глазами и не решались двигаться с места.

— Кель дьябль! (Какой чорт!)—воскликнул один из них.

— Не дьяволы, а большевики,— ответил Хрущов и впервые за ночь закурил папироску.

Французы смотрели в лицо добродушному Хрущову, смотрели на горсточку усталых юнцов и ничего не поняли.

— Не верят, — сказал Вань.

Хрущов хотел объяснить французам, но как объяснить, когда языка их не знает. Старчески, устало улыбнулся и сказал по-русски.

— На себя работаем, а вы — на хозяина. Мы можем, а вы нет.

Французы растерянно улыбались, будто понимали смысл хрущовских слов.

УДАРНИКИ - ПЕРЕДОВИКИ,

ЗАКАЛЕННЫЕ БОЛЬШЕВИКИ,

СТАЛЬНОЙ ВОЛНОЙ УДАРНЫХ БРИГАД

КРЕПОСТИ ВРЕМЕНИ ПОБЕДЯТ

РИС. Б. ВИНОКУРОВА

Л. ВОРОНКОВА

„АБХАЗИЯ“ ЖДАЛА

Осеннее предзакатное солнце будто охрой красило воду. Затихала Казанская пристань. Поезда, сдав свой груз, уходили, облегченно вздыхая. Груженые баржи и пароходы отправлялись по Волге, увозя в промышленные центры хлеб, картошку, пеньку.

А „Абхазия“ все еще ждала. Она требовала срочной погрузки. Иначе ей грозил долгий простой и большие убытки.

Но шестую бригаду, которая должна была грузить „Абхазию“, это мало огорчало. Грузчик Матюшин сплюнул в сторону „Абхазии“ и повернул домой.

— Убытки, простой?.. А мне-то какое дело? День прошел — и ладно. А срочно грузить — нашли дураков.

— Что мы, ударники, что ли?— поддержал Матюшина Шайтанов,— это уж пусть ударнички ударяют. Им по-дурацки сойдет...

— Правильно,— подхватил Игнатьев,—а то выдумали... убытки Им убытки — а нам-то что? Ай-да, ребята, по домам. Так и скажем: шестая бригада от срочной погрузки отказывается. Вот и все!

Шестая бригада так и сделала—отказалась от работы и ушла с пристани.

„Абхазия“ ждала, нервно подрагивая на остывающей воде. Каждый час простоя увеличивал цифру убытков.

И много бы еще часов простояла „Абхазия“. Солидную бы сумму составили эти часы, если б не выручила ударная бригада, те самые „ударнички“, над которыми издевались „друзья“ из шестой бригады.

Ударники только что грузили на дебаркадере вокзала. Здорово устали. Хотелось разогнуть спину, расправить мускулы, отдохнуть... Но „Абхазия“ ждет.

И ударники забыли про свою усталость. Надо на деле доказать свое ударничество. Живо наладили сходни — и пошла работа.

Прошло четыре часа.

Нагруженная до бортов „Абхазия“, разрезая звездную воду, ушла от казанских пристаней.

КАК ЭТО БЫЛО

— С-сволочи!.. Хлеб у товарищей отбивать?— ревел Матюшин, размахивая кулаками.— Чужие пароходы грузить?!

— Подождите, чортовы ударнички, мы вам покажем!— вторил Шайтанов.

При каждой встрече они, как помоями, обливали ударников грязными ругательствами. Травля началась с первых же дней существования ударной бригады.

Осень — особенно горячее время для грузчиков. Красные обозы подвозили картошку, хлеб, пеньку. Вереницы тяжело груженных вагонов останавливались у казанских дебаркадеров. Их еле успевали разгружать — на вокзалах вырастали горы мешков, десятки тысяч центнеров груза. Простаивали пароходы и баржи, потому что нехватало рук, чтоб перетаскивать груз и опускать в глубокие трюмы. А промышленные города ждали продуктов. Заводы и фабрики требовали сырья.

Вот в это-то горячее время и организовалась ударная бригада. Молодежь. Энтузиасты. Матюшин, Шайтанов, Игнатьев с первых же дней приняли их в штанги.

— А, ударнички? Выхвалиться хотят?..

Они не давали ударникам прохода, встречая и провожая ругательствами и насмешками.

Часто ударникам приходилось работать под ряд две смены. Плечи напрягались под тяжестью десятипудового груза. В глазах темнело от усталости. Человек напрягал все силы, боясь уронить тюк.

ЛУЧШЕ ТУЛАЕВУ НЕ ПОПАДАТЬСЯ ЭТОЙ „ТРОИЦЕ“

Тогда Матюшин и Шайтанов старались как-нибудь толкнуть ударника, бросали под ноги сучья, камни, а то и целые бревна. Часто, сбросив внизу свой груз и встречаясь на узких мостках с ударником, сгибающимся под тяжестью тюка, они останавливались и не желали сторониться.

Иногда кто-нибудь из „приятелей“ шестой бригады ронял боченок, который катился по мосткам и сразмаху сбивал с ног нагруженного ударника.

— Ха, ха, ха,— веселились „приятели“,— ударничка подшиб! Нечаянно из рук вырвался... А ты, ударничек, что же слабо на ногах стоишь?..

„ТЕМНОЕ“ ОБЕЩАНЬЕ

Ночь. Затихли пристани. Горы груза отдыхают под брезентами.

Матюшин, Шайтанов и Игнатьев рыщут по баракам, по пристаням. Пристают к сонным грузчикам:

— Где Тулаев?

Грузчики не знают, где Тулаев. Но они знают, что лучше Тулаеву не попадаться этой „троице“.

Тулаев тоже это знает. Потому и спрятался. Товарищи предупредили его о том, что Матюшин пообещал ему „темную“.

Вечером было собранье. Говорили о прогулах, о пьянстве. Говорили о слабой труддисциплине и о горах груза, растущих на пристанях и дебаркадерах.

— Дальше так продолжаться не может, товарищи,— говорил ударник Тулаев.— Надо подтянуться. Вот хоть шестая бригада — разве это дело? Шестая выполняет норму только на 45—50%. Надо поднять труддисциплину...

— А, поднять труддисциплину... А расценки нам подняли? А продуктов прибавили?— закричали из шестой бригады.

— У нас такие же расценки, а мы норму выполняем...

— Дураков работа любит. Работайте, а нас не учите,— крикнул Шайтанов.

— Долой!— подхватили Матюшин и Игнатьев.— Долой... К чорту ударников!

Собранье превратилось в гвалт. И теперь, когда затихли пристани и грузчики растянулись на своих постелях, приятели из шестой бригады, сжимая в руках свинчатки, разыскивали Тулаева.

УТРО

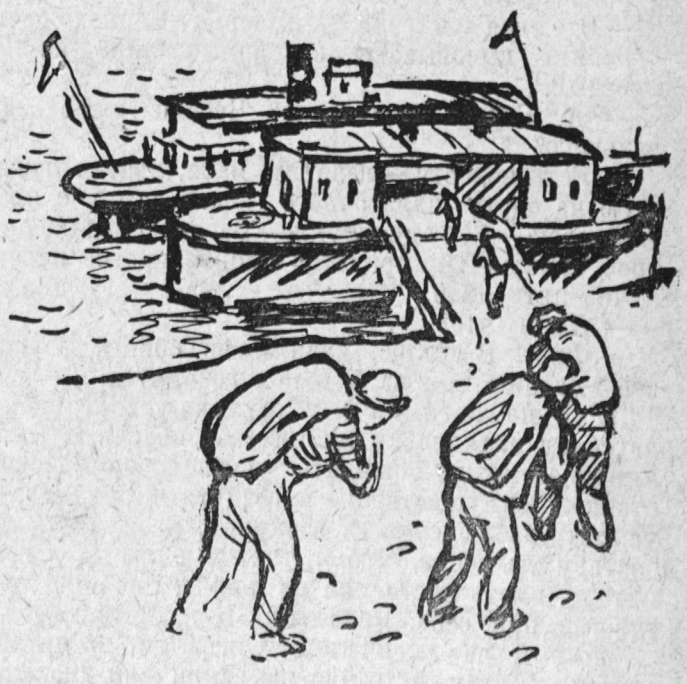
Они не нашли Тулаева. Зато их нашел пролетарский суд.

Грузчики, кто с ненавистью и возмущеньем, кто просто с любопытством и неприязнью, смотрели на своих бывших товарищей по работе, сидевших на скамье подсудимых. И те, которые раньше поддерживали Матюшина и его компанию, смущенно молчали, когда суд вынес свое решение:

„Всем по одному году принудительных работ и высылка из пределов Татреспублики“.

— Туда и дорога,— говорили грузчики, расходясь по домам,— гнилье за борт... Других мутить не будут...

А ударная бригада росла и крепила свой авторитет



УДАРНИКИ ЖИВО НАЛАДИЛИ СХОДНИ, И ПОШЛА РАБОТА.

ТЕХ, КТО ПРОЗЯБАЕТ В СОННОЙ ОДУРИ,
КТО СТАНОК ЗА БУТЫЛКУ ОТДАТЬ ГОТОВ,
ПЬЯНИЦУ, ПРОГУЛЬЩИКА, ЛЕНТЯЯ И ЛОДЫРЯ
ВОН ИЗ РАБОЧИХ РЯДОВ!

История с противогазами

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КРАСНОАРМЕЙЦА

РАССКАЗ И РИСУНКИ Я. ТАЙЦА

Чьи-то шаги взволнованно скрипят по песку второй линейки и царапают тишину мертвого часа. Через минуту в палатку входят блестящие хромовые сапоги и напоминающий зубную щетку затылок клубного писаря Васи Березовского.

Ребята, развалившись на нарах, отдыхают после тяжелого учебного дня. Горячее солнце просвечивает сквозь брезент. Командир отделения Матвеин, босой, в одних штанах, выгоняет мух из палатки. Мухи назойливо жужжат, кружатся вокруг шеста, поддерживающего полотнище. Убитые мухи сыплются на спящих ребят. Матвеин яростно размахивает полотенцем и неожиданно для самого себя вдруг шлепает по голове Васю, когда тот суется в палатку.

— Что за чорт? — ругается Вася.

— Нечаянно,— извиняется Матвеин,— отбиваю воздушное нападение. Их тут целая эскадрилья! Ах, подлые!

— И Матвеин снова бросается в наступление.

Вася косится на полотенце.

— Это твоя зенитная артиллерия? Неплохо бьет?

Ребята высовывают заспанные лица из-под простын.

— А, Береза пожаловал? Чего в штабе новенького?

— Есть новости,— говорит Вася, хватая лежащую на борту палаточного гнезда сумку с противогазом.— Вот эту штуку,— Вася энергично потряс сумку,— вам придется тащить на себе неразлучно пять дней.

— Да ты что?

— Факт! В штабе, уважаемые бойцы, только что вывешен приказ, а в нем говорится:

„С 10 по 15 июля с. г. объявляю по N-скому лагсбору пятидневку химической обороны. Ежеминутно можно ожидать учебной химической атаки, преимущественно с воздуха. Приказываю: усилить наблюдение за воздухом. Всему личному составу лагсбора, кроме тяжело больных в госпитале, иметь постоянно на данный период противогаз при себе. Начальник N-ского лагсбора".

Мертвый час кончался. Сигналист у штаба заиграл подъем, и тотчас же закричали дневальные: „1-й батальон — подымайся, 2-й батальон подымайся!" — точь в точь, как перекликаются утренние петухи.

— Это что же — все время на себе таскать? — сокрушался Апанасенко.

— Будешь таскать, как миленький,— ответил Березовский, сплюнул и стал хлопать по мундштуку ладонью, выталкивая окурок.

— Апанасенко,— сказал Матвеин,— сбегай к штабу, посмотри там насчет приказа.

Апанасенко натянул сапоги и встал смирно перед Матвеиным, который в свою очередь тоже вытянулся.

— Товарищ командир отделения, разрешите сходить в штаб!

— Идите. Когда вернетесь, доложите.

— Есть,— и Апанасенко с Березовским вышли из палатки.

— Апанасенко,— вдруг крикнул вдогонку Матвеин,— надень, знаешь, противогаз. На всякий случай!..

Апанасенко повесил через плечо сумку и побежал к штабу.

Березовский не наврал. С самого подъема и до отбоя, в жаркие июльские дни, когда хочется скинуть с себя последнюю потную рубашку, противогазы висели на нас стесняющим движения грузом.

Время тянулось медленно-медленно — точно под команду „на месте — шагом марш".

Зеленые брезентовые сумки постоянно болтались на левом боку, натирая лямкой плечо сквозь тонкую летнюю гимнастерку.

Противогазы в конце концов надоели нам до чорта. Особенно тяготился Апанасенко, который старался избавиться от противогаза, как собака старается избавиться от намордника.

Но Матвеин зорко следил за бойцами своего отделения.

РЕБЯТА В НОВЫХ ПРОТИВОГАЗАХ ТОЛПИЛИСЬ У ЗЕРКАЛА

— Апанасенко! — окликает он Сеню, когда тот потихоньку, как кошка, пробирается к выходу из палатки.— Куда без противогаза?

Сеня делает невинное лицо.

— Забыл, товарищ командир отделения.

Прошли длиннейших четыре дня. Противогазы сопровождали нас во время купанья, умыванья, занятий, обеда и т. д. На ночь мы ставили их, по примеру Матвеина, у изголовья.

— Зря только таскаем,— ворчал Сеня Апанасенко и при всяком удобном случае старался побыть без противогаза.

Мы возвращались с купанья. Солнце садилось, и через весь луг протянулись наши смешные длинные тени. Тень Апанасенко не похожа на остальные, потому что на нем нет противогаза. Ему удалось проскользнуть мимо командира, и он очень доволен.

Медленно бредут ребята, усталые после купанья. На головах и спинах сохнут только что постиранные носовые платки и портянки.

Жара спала. Над стоящими у самой опушки лагерными кухнями вьется дым — дело идет к ужину.

Вдруг из-за леса с оглушительным жужжанием и треском вынырнули три самолета. Звон и грохот, похожие на отпугивание саранчи, поднялись в лагере.

— Хи-химтревога! — закричал Сеня, бледнея.

— Ребята, противогазы!

Думать некогда. Шапку долой — раз, маску из сумки — два, ладони в маску, чтоб ее раскрыть,—

три, маску на лицо — четыре, шапку на голову и — даешь в лагерь, что есть силы.

— Ребята! — кричит Сеня, хватаясь за развевающиеся платки и портянки.— А как же я... Постойте! А как же...

Самолеты что-то сбросили, и над лагерем рассыпалось огромное облако белого дыма.

Мы мчимся сквозь дым, как пожарные, впереди Сеня, закрыв лицо руками.

Около пирамиды наших винтовок суетится человек с маской. Мы по ухваткам узнали Матвеина. Он издали нетерпеливыми жестами подгоняет нас.

Мы хватаем винтовки, сумки, подсумки, скатки и бежим за Матвеиным в лес. Сеня побежал за противогазом. Весь полк в противогазах выбежал в лес. Здесь газы не так легко распространяются, как по чистому месту. Здесь кроме того хорошо маскироваться от самолета противника, скрываясь под чащей веток. Сверху нас совсем не было видно. Скоро прибежал Апанасенко; видимо он не сразу нашел противогаз.

Сердце колотится, выдыхаемый воздух хрипит в клапане. Очки запотевают — их протираешь красным резиновым носом.

Самолеты еще немного покружились над лагерем и улетели. Горнист сыграл отбой. „Снять противогаз“ — прокатилась по лесу команда, и все стали снимать влажные изнутри маски и протирать их тряпочкой, которая лежит у каждого в сумке. Вместо одинаковых резиновых рож снова показались знакомые лица. Сеня по своей привычке смущенно улыбался.

Полк построился за передней линейкой. Солнце уже зашло, но было еще светло. Командир полка верхом на рыжем коне проехал мимо наших рядов и сказал:

— Химическую тревогу можно считать удавшейся. Бойцы быстро собрались. Нам газ противника не страшен! Ура!

— Ура-а-а! — покатилось по рядам. Громче всех кричал Апанасенко.

После командира выступил полковой врач и стал говорить о действии ОВ (отравляющих веществ).

— Итак, мы видим, товарищи, что на всякий яд есть противоядие, на всякий газ найдется противогаз. Красноармеец Апанасенко Семен Иванович,— продолжал врач,— как не имевший при себе в момент химатаки противогаза, считается условно отравленным, и мы сейчас на нем произведем показательное лечение.

Апанасенко покраснел, открыл рот, словно хотел что-то сказать, и приподнял было голову, но сейчас же ее низко опустил.

— Что брат, Сеня, отравился? — зашептали ребята.

— Ничего, Сенечка, сейчас подлечат.

— Апанасенко Семен, выйдите на середину,— сказал врач, и Сеня, красный, как клюква, вышел вперед.

— Да я же не отравлен! — вдруг сказал он, убедительно протягивая руку.— Я себя чувствую вполне здоровым.

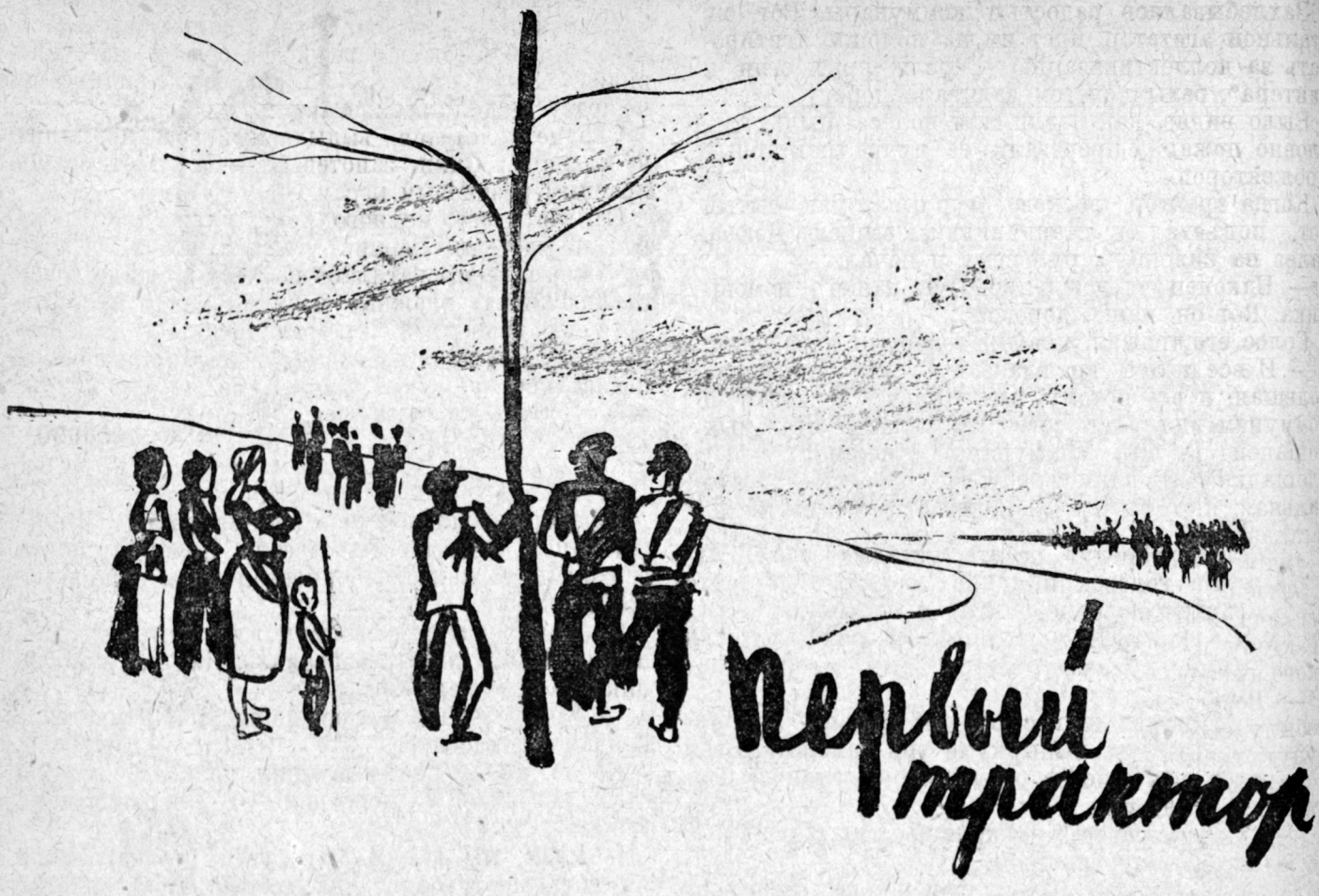
— Ничего, ничего. Ведь это только показательное лечение. Ложитесь,— сказал врач и показал на лежащие в траве носилки.

— Санитары, разденьте больного!

Санитары в белых халатах кинулись к Сене

— Я сам, я сам разденусь,— взмолился отравленный.

— Нет, вам нельзя, вы больной.



Первый трактор

РИС. А. ЩЕРБАКОВА

М. ФЕДЮШКИН

Душное солнце обжигало станицу, горы и степь. Серая пыль обволакивала станичные улицы, поднималась с дороги и плавно, медленно оседала на сады, мазанки и курени.

Дзюба ввалился к преду коммуны:

— Ну Сергеич, сегодня трактор придет.

— Трактор!— выскочил из-за стола пред и забросил ложку в горячий борщ, прищурив глаза: — А... не врешь ты?

— Ну вот, врешь, врешь,— обиделся Дзюба,— тебе правду говорят, а ты врешь.—Чай, сам слышал, как пред кредитного товарищества сказал, что „Колос“ трактор должен сегодня встречать.

Через полчаса уж все коммунары знали, что скоро придет трактор.

И хоть не хотелось дышать пылью, а вышли за станицу встречать трактор не только коммунары, а все хуторяне, станичники. Закатилось солнце за горы. Подул ветерок и угнал пыль. Чистый и свежий стал воздух.

Говор, звонкий, грубый, мягкий, задорный говор казаков оглушал степь.

— Идет — тшш... идет...

И сразу весь гул притих. Сразу после слова „идет“ все запнулись; на полуслове, полурасскaзе, полупесне захлопнули рты и прислушались...

Было слышно, как шелестела поржавевшая трава, как квакали в речке лягушки и мычали на базах быки.

Издалека, от самой станции, где недавно был выгружен с товарного новенький, пахший еще дегтем и краской „интер“, равномерным тактом, ритмической дробью затарахтел трактор.

— Трактор идет...

Скоро Сеня, полуголый, лежал на носилках. Смешок пробегал по рядам красноармейцев.

— Санитары, проделайте процедуру,— сказал врач и продолжал: — при отравлении нарывным газом, например ипритом, надо прежде всего...

Врач говорил, санитары все это проделывали на бедном Сене перед тысячами глаз.

— При отравлении удушливым газом, например хлором...—говорил врач, оглядываясь на Сеню, который барахтался в руках неумолимых санитаров.

Наконец санитары надели на Сеню новенькую чистую рубашку и отпустили его.

— Как себя чувствуете? — спросил врач у Сени.— Отравление прошло?

— Прошло, прошло! — отвечал Сеня, злой и взъерошенный.

В палатке мы долго донимали бедного Сеню.

— Что, брат, не зря мы таскали противогазы?

— Как леченье — понравилось?

Сеня не знает, что сказать, и крепится.

— Его надо в госпиталь.

— Ясно — как отравленного,— не унимались ребята.

— А я за то новую рубашку получил,— вдруг выпаливает Сеня,— вот что.

Это факт. Весь полк видел. Крыть нечем.

Захлебывались радостью коммунары. Вот он, стальной агитатор, идет им на помощь, агитировать за коллективизацию. Горели ярко огни у „интера“, белым светом заливали дорогу.

Было видно, как поднимали колеса пыль, как, словно ножами, прорезали ее лучи тракторных прожекторов.

Когда трактор, ласково мурлыча, как сытый кот, подъехал к станичникам, вышел Дзюба, залез на сиденье к рулевому и начал:

— Наконец-то дождались мы нашего помощника. Вот он, наш... дорогой...

Голос его дрожал, а сам он говорил с перебоями:

— И все потому, граждане, што сила коллектива большая, и все потому, што только колхозам и коммунам доверяет советская власть стальных лошадей. И мы, коммунары, гордимся своей „лошадкой“. Гордимся потому, што она у нас сильная, потому, што она откроет вам всем глаза, заставит понять вас, што в коллективе жить и лучше и радостней.

Слушали казаки, обмозговывали свою жизнь. Расходились поздно. Почти все подходили к трактору и, поглаживая его горячую спину, ласково говорили:

— Везет им, коммунарам-то! Ишь какую кобылу себе достали. Меньше работать-то сами будут, трактор за них делать будет.

Трактор, покашливая, скрылся в сарае. Смолкли разговоры.

Все разошлись. Говора не было слышно. Только на краю станицы захлебывалась веселостью молодежь: пиликала гармонь да девки распевали веселую песню.

Первый трактор взбудоражил станицу. Никогда такой машины не видали казаки, глумились до этого над окрепшей коммунарской худобой, а теперь, когда в коммуну пожаловала невиданная до этого машина, все с завистью стали смотреть на коммуну — заживут теперь. Ей пра, заживут. И каждый украдкой от соседей, стыдясь, чтоб не узнал кто-нибудь, корявыми буквами строчил заявление о приеме в коммуну...

И тихими шажками, крадучись, пробирались к правлению коммуны, дрожащими руками совали заявления членам коммуны.

А Парфенов Никита, пришедший домой после встречи с трактором, обнял своего сынишку, встряхнул и буркнул:

— Пиши заявление, Петя. Пиши. А я диктовать буду. Ну начинай:

„Я, Никита Петрович Парфенов, по кличке Пупиков, подаю заявление в коммуну „Колос“ и прошу принять меня в свои члены. Меня толкнул в коммунию вступить трахтор, и я все свое хозяйство, которое состоит из пары волов, кобылы и мазанки, передаю в коммунию“.

ПОЧТИ ВСЕ ПОДХОДИЛИ К ТРАКТОРУ И ЛАСКОВО ПОГЛАЖИВАЛИ ЕГО ГОРЯЧУЮ СПИНУ

ДРОЖАЩИМИ РУКАМИ ПОДАВАЛИ ЗАЯВЛЕНИЯ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ

ЗЕМЛЕ ЗАПАХАННОЙ ВОЛЬНЕЙ,

ЗЕМЛЯ КАК БУДТО С НАМИ РАДА,

ЧТО МЧАТСЯ ТАБУНЫ КОНЕЙ

НА ШИРЬ ПОЛЕЙ ИЗ СТАЛИНГРАДА

НА КОНКУРС ЛОЗУНГОВ. Н. ЦИГИПОВ

„ЧУДО“ НА РАЗЪЕЗДЕ

«Мы вступили в период социализма», говорил т. Сталин на XVI съезде партии. С введением в социалистическую промышленность новых промышленных гигантов, усовершенствованных машин и электрификации страны отмирает ряд профессий и мелких специальностей.

Рассказ „Чудо на разъезде“ первый из серии рассказов об умирающих профессиях.

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

С. ГУРОВ

Мишкин дедушка Федор Михеич больше полжизни прожил в семи верстах от большой станции, в маленькой будочке у железнодорожного разъезда. Через разъезд пробегало в сутки восемь пар поездов. Три пары встречались. Трижды в день Федор Михеич переводил стрелку и напутствовал проходящий поезд:

— На Кинешму полетел... Ну, вваливай! Путя свободны! — говорил он пассажирскому на Кинешму.

В одиннадцать с минутами проскакивал скорый в Москву, в час две тарахтел и сопел мимо „максим“ на Нерехту. Потом еще...

В будке не было часов. Но и без них он никогда не ошибался во времени. А ошибся бы — Жучок подскажет. Как время пришло — к двери подойдет и начинает царапать лапой.

Нехитро было дежурство: подойдет старик к стрелке, отопрет замок, которым закрыта петля стрелки, чтобы кто по шалости или по злому умыслу стрелку куда не следует не перевел, — пропустит поезд, стоя с зеленым флажком, — и все. Так бы наверно до самой смерти и прожил тут, но в двадцатом году начальник участка предложил старику:

— На социалку. На содержание государства. Государство тебе платить будет.

— Ну-у-у? Это как же то есть? Я ничего делать не буду, а мне платить будут? — не поверил Федор Михеич.

А еще через полгода старик распрощался с родной будкой и уехал в деревню.

За восемь лет, которые прожил Федор Михеич в деревне, поселок вырос в город. На глазах у недоверчивых станционных старожилов стали расти корпуса домов и трубы фабрик. Постепенно замусоренная площадь стройки очистилась от строительного хлама.

В стороне от фабричных корпусов вытянулись вставленные в зеленые рамки кустов и деревьев улицы и переулки.

В день Первого мая 1928 г. заревел гудок, всполошив всех жителей окрестных лесов на десяток верст кругом, — и на каменно-стеклянном здании главной электрической станции радостно затрепыхался алый флаг.

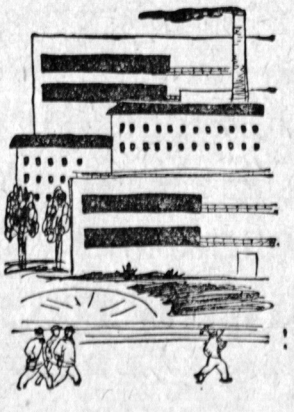
А потом начались деловые будни. Приехали тысячи рязанских торфяниц в цветистых платьях, расплескали по обширным болотам звонкие песни, песни смешались с грохотом торфяных машин и экскаваторов, сплошной рекой потекла пища для электростанции — торф.

От электростанции в трех направлениях протянулись упругие канаты проводов. От канатов во все стороны побежали тонкие проволочки — и на сотни верст понеслась по ним электрическая энергия.

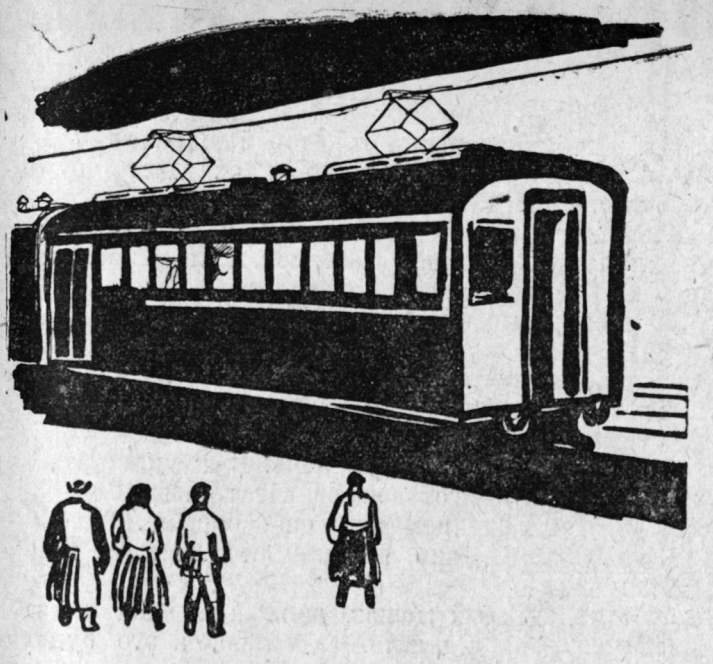
А еще через год станционные старожилы диву давались и таращили глаза на небывалое чудо. У перрона остановился кургузый поезд — без паровоза. Он не отдувался, не шипел и не пыхтел. Около него не было облаков пара. Народ не морщился от чадного дыма. Да и дыма не было. Даже и трубы для выхода дыма не было.

Уйдет поезд — старожилы начнут строить догадки о том, что такое будет устроено в новом здании, которое пристраивается к вокзалу. Кто говорит — новый зал для ожидания, кто — товарная контора. Но большинство думало, что будет буфет: окна большие делали, как в ресторане.

И никто не угадал. В новом здании поставили белые мраморные стенки с десятками приборов и выключателей, какие-то замысловатые машинки, на стену повесили громадную синюю карту с планами путей, а у одного окошка пристроился стол с блестящим телеграфом.



С первого года своего учения в деревенской школе Мишутка мечтал поступить на завод. Еще маленьким парнишкой был он однажды с отцом в железнодорожных мастерских—и с тех пор в его голове жили планы и мечты о заводе.



А в этом году он окончил школу, и отец согласился отпустить его в город, в фабзавуч.

— Только я с тобой по городу таскаться не буду. Устраивайся сам. Мне некогда.

Мишутка — пионер. Через пионерскую организацию он сумел разузнать все, что надо было знать о фабзавуче. Он был уверен, что „свои ребята“ есть и в городе, что он не пропадет. Вот только бы как с квартирой устроиться.

Тут ему пришел на помощь дедушка Федор Михеич.

— Ничего, голубок, устроимся как-нибудь... Вот вместе с тобой съездим на станцию (он еще не привык, что около станции давно вырос город), найду там знакомого кого и устроим...

В августе поехали в город.

На станции Михеич встретил знакомого старика. Когда-то он служил путевым сторожем. Поговорил с ним, и старый знакомый обещал устроить Мишутку у себя.

— Вот только живу я далеконько... Ежели по путям итти—полчаса или чуть побольше ходу.

Зашагали двое стариков и пионер по шпалам к противоположному станции концу города.

— Мишутка, вот сейчас за этот мысок завернем — моя будка будет... Больше сорока годов тут прожил!

— Нету будки-то, Федор Михеич,—угрюмо бросил дедушкин приятель,— сломали..

— То есть как — „нету“? Подальше, что ли, перенесли?

— Совсем нету!

Путники как раз обогнули мысок, и Михеич убедился, что действительно будки нет.

— Вот это место стояла,—показал он пальцем,—а тут...—и вдруг старик с недоумением стал оглядываться, словно искал чего.

— Постой, постой... Как же так? А стрелки-то где? Это вот путя на Кинешму. Туда на Нерехту...

— И стрелок нет!..

Они подошли вплотную к тому месту, где когда-то была будка и около нее стрелки. Не было сейчас ни будки, ни стрелок. Стрелки-то собственно были. Но это совсем не такие стрелки: не было у них самого главного с точки зрения Михеича,— не было той ручки, за которую он сорок лет переводил стрелку и направлял поезда по нужному пути. Там, где рельсы расщеплялись в стрелку, стояли только сигнальные фонарики.

Михеич с великим недоумением разглядывал поблескивающие рельсы: нагнулся и пощупал их, будто хотел убедиться, взаправдашние ли они. В этот момент с легким лязгом стрелка перевелась сама собою. Михеич совсем опешил. Он нагнулся и попробовал поставить конец рельсы в прежнее положение, но стрелка словно приросла к месту, не двигалась.

— Это что же? А? Это как же?

— Ликстричество,— сурово бросил приятель.— Теперь на всем нашем участке ликстричеством стрелки переводят...

— А где же стрелочники-то?

— А нету никаких стрелочников... Сидит на станции какой-то техник, говорят, и переводит...

Эти немногие слова были так необычайны, они говорили Михеичу о такой небывалой истории, что он даже присел на рельсы.

— Это верно, дедушка. Мы еще в школе читали. Теперь на многих участках такие стрелки делаются. Я вот только забыл, как это называется...

— Без стрелочников?

— Без стрелочников!

— Ну, а ежели она не так встанет, как надо!

— Тут, дедушка, механизм так устроен, что всегда встанет так, как надо. Старик начал расспрашивать внука, что и как, желая узнать все подробно, но Мишутка подробностей не знал и сам. Он только с твердой уверенностью мог сообщить дедушке, что при новых стрелках действительно не нужны стрелочники.

— Та-ак... — задумчиво протянул Михеич. — Значит всех стрелочников теперь к расчету. Та-а-ак... А Кислов-то куда же теперь? — вдруг оживляясь, спросил он у приятеля.

— Кислов работает на станции.

— А Наумов?

— Наумов сперва в депо чернорабочим был, потом подучился, сейчас слесарит. Да всех стрелочников кого куда к делу приспособили. Сам знаешь — теперь рабочих-то только дай.

— И давно это тут?

— Да поболе году.

— И ничего? Крушения не было?

— Пока нет. Ну вот, теперь свернем направо... Вон, голубенький-то домишко, видишь,— мой это. Говорят снесут скоро. Большой дом тут будет.

Михеич, а за ним и Мишутка посмотрели по направлению, указанному стариком, и увидели плюгавенький голубой домик, притулившийся подле громадного каменно-стеклянного домища с балкончиками и с лесом антенн на крыше.

Свернули с полотна и пошли по замощенным улицам.

Михеич, старый стрелочник, понуро опустив голову, разглядывал асфальт тротуара под ногами и все думал о маленькой будочке на седьмой версте, об уничтоженной стрелке и об умирающей должности железнодорожного стрелочника.

ТО, ЧЕГО МЫ НЕ ЗАМЕЧАЕМ

УРАЗОВ

Вещь готова: папироса, мотор, конфета, ботинок...

Завтра, послезавтра часть этих папирос задымится в перерыве в заводской курилке, моторы будут взнузданы ремнями приводов, конфета порадует ребят за вечерним чаем...

Бывает и так, что завод работает без перебоев и простоев, а вещи — готовые, нужные вещи — не сразу уходят с завода в жизнь и быт.

Из-за „пустяка“ не погрузишь в грузовик, как дрова, папиросы. Не навалишь конфеты.

Тара и упаковка — это обычный „пустяк“, то, чего мы не замечаем. Мы равнодушно выбрасываем обертки и коробки, ломаем ящики, срываем бандероли.

Тысячи типографий в сотнях городов в три смены печатают газеты, журналы, книги. По улицам везут рулоны и тюки бумаги для листовок, плакатов, воззваний. Сколько бумаги исписывают учреждения! Сколько миллионов писем разносят почтальоны! Трудно даже представить себе все это количество бумаги.

А между тем на упаковку и тару, на обертки и коробки уходит не меньше бумаги, чем на все книги, газеты, письма, журналы.

А ящики! А картон! А бутылки! А мешки!

Обслужив один раз, большая часть тары и упаковки умирает в мусорных ящиках. Когда была кампания сбора утильсырья, подсчитали, что одни лишь кости, тряпки, бутылки мусорных ям могут дать 30 млн. валюты в год. На что никчемная вещь — табачная пыль, от которой „охрана труда“ не знала как избавиться, но и она дает теперь 300 тыс. руб.

А половина содержания мусорного ящика — бывшая тара. Сколько жестянок, консервных коробок!

А конфетные бумажки? Когда мы покупаем кондитерские изделия, 13 коп. с рубля платим за упаковку.

Треть стоимости консервов или спичек — это жестянка или коробка.

Тара играет громадную роль. В прошлом году во время хлебозаготовок нехватало 11 млн. мешков. В этом году нехватит еще больше, потому что мы значительно расширили посевную площадь.

Значит, каждый мешок должен поработать за двоих и троих. Сделать это можно, и это будет сделано.

ЗАГОТОВКА КОРЗИН ПОД ПЛОДООВОЩИ.

ПОЧЕМУ ЖЕ ВЫ НЕ СОЖГЛИ КОРЗИНУ?

Вы ездили в лагерь. Вернулись, вынули из мешков, корзин белье и книги, убрали их. Теперь вы конечно выбросите корзину в мусорный ящик или пустите ее на растопку.

Не пустите? Почему?

Корзина — это тара для белья и книг. А разве вы не растапливали печь ящиком, такой же корзиной. Разве вы не вытирали ноги о половик, бывший мешок, в котором так нуждается страна?

Еще недавно госмагазины продавали за бесценок ящики. А в это время на заводах скапливались товары из-за отсутствия упаковки.

Проблема упаковки далеко не проста. И каждый производственник, каждый рабочий, каждый пионер должен знать о ней.

ЗДЕСЬ ЛЕЧАТСЯ ВАШИ ЖЕРТВЫ

Их привозят сюда на автомобилях и лошадях. Привозят искалеченными, израненными. На каждом ухабе они вздрагивают и кряхтят.

Вряд ли какая-нибудь лечебница знает такое количество больных. Сюда доставляют их до 10 тыс. в день.

Как и во всякой больнице, сначала регистрация и осмотр. Эти искалеченные требуют серьезного лечения. Иные попадают сюда на день и больше. Некоторым никогда больше не суждено вернуться к жизни. Они безнадежны. У них тяжелая и опасная профессия. Более опасная, чем у циркового акробата, потому что они падают на камни мостовой. Более тяжелая, потому что они часто на морозе по много суток под ряд, потому что они работают без смены и в постоянных разъездах.

Вот почему столько больных. И еще потому, что они и сегодня не могут добиться человеческого обращения с собой.

ПОЧИНКА МЕШКОВ-ТАРЫ

Эта больница — живой укор многим из нас. Сюда можно было бы устраивать экскурсии, чтобы показать, как не надо обращаться с ящиками и бочками.

И все же из искалеченных, раненых, больных бочек и ящиков делают ежедневно до 6 тыс. новых. 180 „врачей“ обходят „больных“ с молотками в руках. Здесь при помощи молоточка не только „выслушивают“, но и лечат. Там прибьют планку, здесь заменят одну доску,— и 6 тыс. ящиков и бочек снова становятся в ряды строительства на незаметные, но ответственные участки боев за выполнение промфинпланов.

Такие мастерские — дело новое. Пока ремонтных баз Союзтары 50. К концу этого года их будет уже 120. Первый шаг сделан. Многократное использование тары стало осуществляться.

ЭТО ДЕЛО КАЖДОГО ИЗ НАС

А между тем помочь делу может каждый. Таре можно помочь только более бережным обращением с ящиками, тюками, бочками. В самом деле, если они не будут разбиты и искалечены,— значит они могут служить еще. Это как будто само собой разумеется, но об этом редко кто помнит.

Наконец очень много пользы могут принести пионеры своим участием в сборе утильсырья. В прошлом году они собирали мешки для хлебозаготовок. Мешки — это тара. Мешок — дело маленькое. Но каждый мешок дает возможность ускорить хлебозаготовки, скорее свезти хлеб.

Пионеры и в этом году должны принять участие в сборе мешков, как можно раньше, чтобы каждый мешок успел послужить не один раз, чтобы мешки можно было заранее доставить в те места, где они будут нужнее

Это мы говорим о мешках. А ведь есть десятки, сотни видов тары и упаковки. Многие из них нуждаются в помощи.

Еще недавно тара была беспризорником. Для заботы о таре было создано особое учреждение — Союзтара. Она изучает тару, заботится о ней. Но дело это еще новое. Мешки часто идут на тряпки и половики. О них не заботятся. Мы должны спасти мешки и сохранить их государству, которое о них позаботится.

Их почистят, починят,— и они привезут осенью хлеб. Они станут полезными работниками. Маленькими, незаметными, но нужными работниками на фронте нашего строительства.

ВРАГ НАМ КАЖДУЮ МИНУТУ УГРОЖАЕТ СПЛЕТНЕЙ, ОБРЕЗОМ, ЕХИДНЫМ СМЕШКОМ ОТВЕТИМ ВРАГУ ОХРАНОЙ УРОЖАЯ, КАЖДЫМ ЗАШТОПАННЫМ МЕШКОМ.

ПРИГОТАВЛИВАЮТ ЯЩИКИ ДЛЯ СБОРА ОВОЩЕЙ

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ КАПИТАЛА

ПИСЬМА ДЕТЕЙ ИЗ АМЕРИКИ

ПИСЬМО О ЛИНЕЙКЕ, БЬЮЩЕЙ ДО КРОВИ

Мы живем в Лонг-Айленде. Это островок у берегов Америки, вблизи Нью-Йорка. Здесь много фабрик, приготавливающих консервы из ракушек. Мы, бедняки, собираем их, работаем на фабриках, приготавливаем их, чтобы потом их ели богачи, которые платят гроши за нашу работу.

Как только уроки кончаются, я бегу домой, что-нибудь съедаю всухомятку — обедать некогда — и бегу на фабрику. Там работаю до вечера, т. е. до конца дневного улова. Бывает, что приходится оставаться поздно, иногда и до полуночи. А занятия в школе начинаются в восемь часов. Беда, если опоздаешь на урок. Недавно Джэк, мой приятель, опоздал на семь минут — учительница его начала ругать. Он сказал, что вместо больной матери он должен был пойти на базар за продуктами. Учительница избила Джэка линейкой до крови. У него на щеке теперь большой шрам. А отцу Джэка она сказала, что Джэк испорченный и вредный мальчишка и что его вышвырнут из школы в следующий раз; и он должен быть ей благодарен за то, что она избила его, а не уволила.

Мой отец работает батраком на ферме, а старший 12-летний брат теперь помогает отцу. Оба все лето и весну с пяти часов утра уходят на ферму, а приходят домой после заката солнца. Брат в школу приходит прямо с фермы, после уроков опять идет на ферму.

Мы слышали, что в Советском союзе дети учатся и не работают. В пионерском журнале мы читали, что пионеры в Советском союзе помогают правительству выполнить пятилетний план. Мы все читали о пятилетке и поражаемся ей. А у нас безработица и нищета. Каждый из нас очень хотел бы поехать в Советский союз посмотреть, как там живут дети рабочих.

Недавно мы собирались на пустыре за школой и говорили о том, что хорошо бы и нам в Соединенных штатах устроить такую же жизнь для детей, как в Советском союзе. Но я сказал, что это возможно только тогда, когда наши рабочие возьмут власть в свои руки.

Марк Хигден, сын торговца рыбой, передал наш разговор учительнице. На уроке она начала говорить, что в Советском союзе разруха и голод, маленькие дети умирают с голоду сотнями. Большевики, говорит, дикие звери и бандиты. Они грабят рабочих и заставляют их даром работать на фабриках.

Тогда я сказал, что читал о пятилетке и о том, что никакого голода в Советском союзе нет. Тут учительница избила меня линейкой по щекам. Говорят, она подала на меня жалобу директору школы, что я занимаюсь коммунистической пропагандой. Может быть, меня исключат. Пусть. Пойду работать на ферму или останусь на фабрике.

ДЖОННИ ЛОУЕЛЛ, 10 ЛЕТ.
Лонг-Айленд

УЧИТЕЛЬНИЦА ИЗБИЛА ДЖЕКА ЛИНЕЙКОЙ ДО КРОВИ

ПИСЬМО НЬЮ-ЙОРКСКОГО ГАЗЕТЧИКА

На углу 43-й улицы в Нью-Йорке я продаю утренние и дневные выпуски газет. Рано утром, до школы, мы с братом (ему 9 лет, а мне 11) бежим в контору за газетами. Затем продаем их, когда люди бегут на работу. Продаем мы их на станциях подземки. Потом, даже не позавтракав,— в школу. После школы опять на улицы продавать дневной выпуск.

Мой отец работает на металлургическом заводе в горячем цехе. Приходит с работы усталый, измученный. Мать все время была без работы, а сейчас устроилась за половинную плату на ночную работу в прачечную при большом отеле на 6-й авеню.

Мы с братом приходим домой тоже очень поздно. Мы должны оставаться на улице до тех пор, пока не продадим всех газет. Вот часов 13-14 так и вертишься то с газетами, то в школе. Так живут все. Иной раз встретишь парнишку с газетами, а ему нет и семи лет. Недавно стоял один

НА УГЛУ 43-й УЛИЦЫ НЬЮ ЙОРКА Я ПРОДАЮ УТРЕННИЕ И ДНЕВНЫЕ ВЫПУСКИ ГАЗЕТ

такой на углу и пищал: „Купите газету“, ну, многие покупали, уж очень он был мал.

Наша работа трудная. Стоишь и в снег, и в дождь, и в жару и кричишь, кричишь без конца. А все, что заработаешь, уходит на книги, чуть ли не каждый день приходится покупать. А книги у нас в Америке не дешевые. Кроме книг приходится покупать линейку, карандаши, бумагу, чернила и т. д. А учителя говорят, что если у вас нет пособий, можете убираться домой.

Зато братишка приносит свой заработок домой целиком. На эти деньги мать готовит нам на ужин что-нибудь такое, в роде картошки на маргарине.

Недавно мы с братом, мой приятель Боб Вернон и Фернанд записались в пионерский отряд. Теперь мы по вечерам ходим в пионерский клуб, слушаем разные беседы и устраиваем радио. Недавно нам рассказывали о жизни Ленина, великого вождя рабочих. Было очень интересно. Там, в клубе, висит его портрет Большой такой человек с высоким лбом. А глаза добрые, добрые.

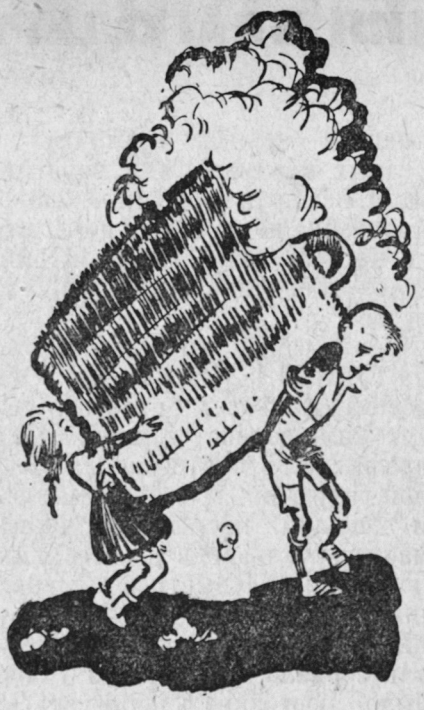
По радио мы слушали на-днях концерт из Москвы. Кто-то говорит по-английски о том, что рабочие и крестьяне всего мира должны защищать Советский союз от нападения капиталистов. А так как американские капиталисты все время готовятся к войне, то мы, пионеры, поклялись защищать Советский союз и вести пропаганду среди всех рабочих детей, чтобы они становились пионерами и узнали таким образом правду о Советском союзе.

РОБЕРТ ХОЛИДЭЙ, 11 Л.

ПИСЬМО ИЗ СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ

Мой отец привез мне на-днях пионерский журнал. Мы уже давно знаем о пионерах и хотим все записаться. Фред даже написал в редакцию, чтобы нам помогли организоваться.

Отцы и старшие братья и сестры работают на фабриках или на фермах. Мне 12 лет, и я тоже работаю на ферме, где возделывается хлопок. Работаю я с восьми лет. Сначала я помогал матери: вместе с ней мы собирали хлопок в большие корзины. Потом я стал работать один. Мать часто болеет, и тогда шестилетняя сестренка помогает мне. Работа дается нелегко. Иногда так устанешь, что потом целую ночь заснуть не можешь и думаешь, думаешь все о том, что хорошо было бы поучиться, хорошо бы поиграть всласть в волейбол.



ШЕСТИЛЕТНЯЯ СЕСТРЕНКА ПОМОГАЕТ МНЕ ТАСКАТЬ ХЛОПОК

Со мной вместе работал Эдди Конрой из Нью-Йорка. Эдди — пионер, он-то и организовал нас, и если бы он не уехал, то отряд наш работал бы и сейчас. Но Эдди был слабым мальчиком. Здешнего жаркого солнца и каторжной работы на ферме он не мог перенести. Когда он заболел, доктор сказал, что здешний климат ему очень вреден и что его надо везти на север. Он и уехал. Он рассказывал нам о пионерах, о том, как живут в Советском союзе, о том, что там не надо работать с детских лет, а можно учиться и даже сделаться инженером. А у нас простой рабочий никогда не может сделаться не только инженером, но даже и механиком.

На ферме, где я работаю, очень много детей трудится вместе со мной. Надсмотрщик наблюдает за нами все время, чтобы мы не отдыхали. У него в руках всегда длинная тонкая палка. Если он заметит, что кто-нибудь из ребят замешкался или не очень проворен, он издалека ударяет его своей палкой по ногам. Иногда после этого с трудом подымаешься, до того больно бывает. Руки наши все исколоты и болят. У меня они уже привыкли, а сестра каждый вечер плачет от боли. У других ребят руки иногда не разгибаются после работы, до того устают пальцы: ни согнуть, ни разогнуть. Но как ни плачет сестренка, ничего не поделаешь, надо работать. У нас в доме еще двое ребят поменьше ее. Одному 4 года другому — 3. Они пойдут на ферму, когда подрастут немного.

Я два года посещал школу, но потом бросил. В школу приходилось ходить очень далеко. Мы не успевали вернуться на ферму, и рабочий день пропадал. Когда у отца на фабрике сократили заработную плату на 10%, жить стало еще труднее. Пришлось бросить школу.

Ну что же. Мы зато надеемся, что американские рабочие скоро поступят с хозяевами так же, как поступили с ними рабочие Советского союза. Об этом нам рассказывал Эдди. Говорят, теперь отец Эдди уехал в Россию и работает там. И Эдди с ним. Вот это я понимаю — счастье. Мы, здешние ребята, все ему страшно завидуем. Теперь, когда отряд наш без руководства, мы решили сорганизоваться вновь и работать как следует. Теперь ждем организаторов.

ФРАНК СИДНЕЙ

В РУКАХ НАДСМОТРЩИКА ДЛИННАЯ ТОНКАЯ ПАЛКА, КОТОРОЙ ОН ОЧЕНЬ БОЛЬНО БЬЕТ ПО НОГАМ

„ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ“

РИС. В. КОЛОКОЛЬНИКОВА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Э. ХАММЕРС

„День вознесения благодарности“ — последний четверг в ноябре. [1] День вознесения благодарности богу за то, что существуют на свете такие замечательные люди, как миллионер Захария Колвин, шелковый магнат и благодетель человечества. Это он пожертвовал новое помещение для школы на втором этаже двенадцатиэтажного дома на углу 54-й улицы. Гигантской гранитной глыбой высится дом. Улицы реками текут мимо него, как пароходные сирены ревут гудки автомобилей. Огромные, как баржи, ползут тяжелые грузовики Захарии Колвина, нагруженные тюками с шелковыми материями. Из этих шелков шьют платья для богатых лэди, черные сутаны для священников и галстуки для приличных людей.

Именно такой галстук был на директоре школы, почтенном мистере Рендолле, когда он торжественно открывал новое помещение школы.

Школьный зал был разукрашен портретами великих людей, начиная от Георга Вашингтона и кончая Гербертом Гувером. [2] Звездное знамя Соединенных штатов — символ американской мощи и могущества — величественно висело посредине.

В школе была группа ребят, которая очень беспокоила директора. Это были дети рабочих с 6-й улицы. Черномазые „даго“[3], рыжие ирландцы, мексиканцы с вечно разбитыми носами. Чорт знает, чьи они были дети! „Надо последить за ними сегодня“, — с беспокойством думал мистер Рендолл, поглядывая на часы.

В половине одиннадцатого в школу начали собираться дети. Первыми явились ученики младших групп. Благовоспитанные дети уважаемых родителей. Сыновья торговца посудными изделиями—Джойса. Дочь судьи Фрей, украшенная розовыми бантами. Сын комиссионера по продаже автомобилей. Сыновья управляющего колвиновскими фабриками — чистенькие мальчики в черных курточках с белыми крахмальными воротниками. Все вели себя чинно, благопристойно, не шумели и не бегали по пустым классам. Сердце мистера Рендолла тихо радовалось.

Без четверти одиннадцать стали подходить дети рабочих. Они всегда приходили позже, так как жили далеко от школы. Они врывались в зал шумной, веселой гурьбой, громко смеялись и хлопали дверью. У черномазых итальянцев и мексиканцев были красные носы и грязные руки. Они, не стесняясь, пытались кататься по натертому, как зеркало, паркету. Их нужно было постоянно одергивать и поглядывать, чтобы они не опрокинули какой-нибудь корзины с цветами. Американцы и ирландцы были не лучше. Они топали грубыми башмаками по полу, как солдаты. Их пришлось вернуть всех вниз и заставить еще раз вытереть ноги.

Наконец на больших часах, под портретом старого Авраама Линкольна[1], пробило одиннадцать. Внизу раздался резкий звук автомобильного гудка — это миллионер Захария Колвин извещал о своем прибытии.

Мистер Рендолл бешено ринулся вниз. Дети и учителя бросились к окнам. Внизу, на тротуаре, изогнувшийся Рендолл высаживал из автомобиля достопочтенного Захарию Колвина и его поджарую супругу.

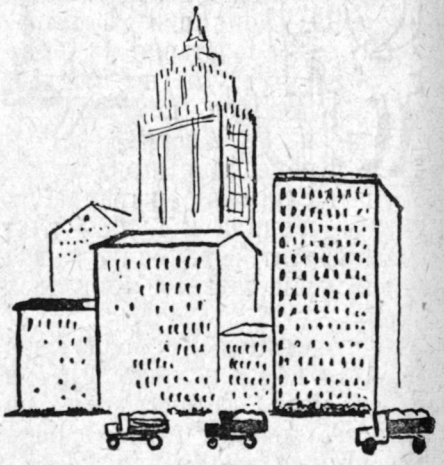
Все вошли в зал. Миллионер был тучный человек с одышкой и двойным подбородком. Он все время вытирал лысину огромным платком. Жена его стояла неподвижная, как памятник богатству и добродетели. Вошел пастор в черной шелковой сутане с молитвенником в руках. Торжество вознесения благодарности началось.

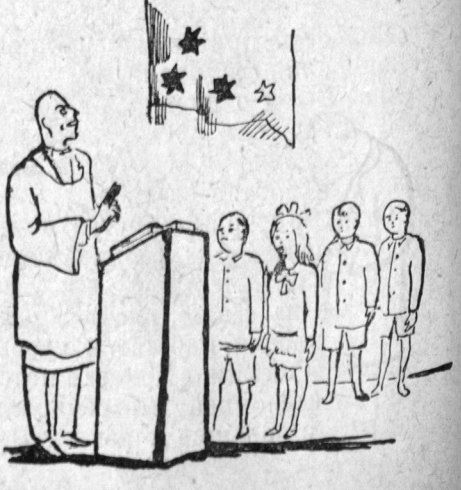
А в это время человек шесть мальчиков подошли к подъезду школы и, заметив синий автомобиль Колвина, остановились.

— Чорт возьми, эта скотина уже приехала! — сказал рыжий бойкоглазый мальчик лет двенадцати.

— Опоздали, ребята...

— Ну и влетит же нам...



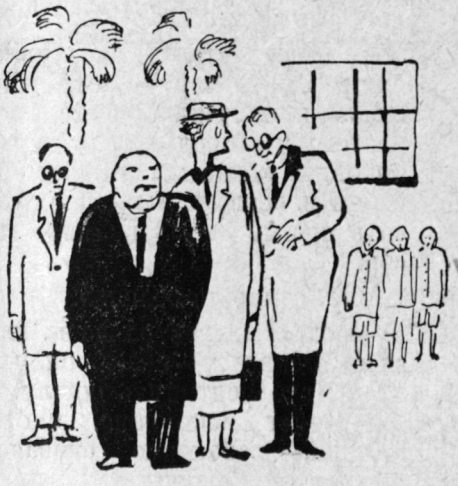


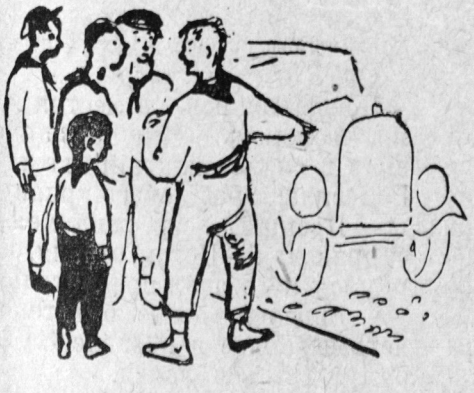
[1] „День вознесения благодарности небесам“ — специальный праздник в Америке.

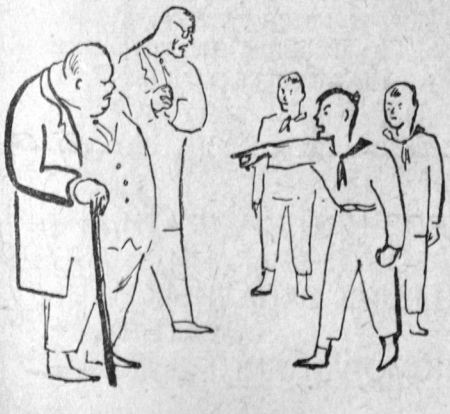
[2] Георг Вашингтон — первый президент Соединенных штатов. Гувер — нынешний президент.

[3] Так презрительно называют коренные американцы итальянских эмигрантов.

[1] Президент Америки, отменивший рабство.







— А мы так очень боимся, как же,— насмешливо сказал первый.— Плевать я хотел на них и на их дурацкое торжество.

Он поправил красный галстук на шее.

Красные новенькие галстуки были у каждого. Шапки были только у двух. Новые ботинки — у одного. Но зато галстуки были у всех.

— Ребята, не трусить и перед миллионером не пресмыкаться... Пусть знает, что такое пионеры,— сказал опять первый мальчик. Звали его Фред Мак Лафлин. Был он сыном ирландца, рабочего с фабрики Колвина. Отец его недавно вступил в компартию, и маленький Фредди тотчас же стал пионером.

Его особенно — этого „большевистского щенка" — Рендолл с удовольствием выгнал бы из школы, но мистер Захария Колвин хотел прослыть демократом среди рабочих и говорил, что дети не должны отвечать за убеждения родителей. Поэтому в его школу принимался всякий, по мнению Рендолла, сброд, в роде итальянцев и коммунистов.

Товарищи Фреда были его сверстниками. Отцы их были приятелями его отца и работали на той же фабрике. Недавно там организовался отряд пионеров, и Фред с друзьями вошли в него первыми.

— Ребята, галстуков не снимать, держаться равнодушно и флагу не присягать!— скомандовал Фред.

— А если нас заставят, Фредди?— спросил его осторожный Вилли Бернс.

— Не могут,— лаконично отрезал Фред.— Пусть-ка попробуют меня заставить. Я им устрою тогда „вознесение благодарности"!

Мальчики засмеялись.

— Ну, вперед!—крикнул Фред и побежал по лестнице. Приятели кинулись за ним.

Приход их произвел неприятное впечатление: во-первых, они вошли во время молитвы, во-вторых, громко хлопнули дверью, испугав почтенную мистрис Колвин, в-третьих, на них были надеты эти ужасные красные галстуки. Пионерские галстуки в школе Захарии Колвина!

Торжество, испорченное на секунду, продолжалось.

— Смотри-ка, Джерри,— шепнул Фред,— какие бывают миллионеры. Что ты чувствуешь, Джерри?

— Мне, откровенно говоря, хочется ткнуть его в пузо,— пробурчал Джерри, маленький итальянец.

— Тише,—зашептали сзади,— фараон идет!..

„Фараоном" называли Рендолла.

— Прошу не шуметь и вести себя прилично,— прошипел Рендолл, подходя и хватая Фредди за плечо.

— Потише вы! — вырвался Фред.— Мое плечо не из дерева.

— Сейчас же снимите эту гадость,— продолжал Рендолл, указывая на галстуки,— слышите, немедленно!

— Мы галстуков не снимем,— отрезал спокойно Фред.— Мы ни перед кем не скрываем, что мы — пионеры.

Рендолл позеленел. Он понимал, что в присутствии мистера Колвина нельзя доводить дело до скандала. А эти мальчишки наверняка не уступят. Он чувствовал, что побежден.

— Мы поговорим с вами об этом после,— прошипел Рендолл, отходя.

— Катись...— засмеялись мальчики.

Когда пастор кончил чтение, Рендолл произнес тщательно подготовленную и заранее прорепетированную перед зеркалом речь. Он благословлял небо за появление на свет Захарии Колвина, самого замечательного и великодушного из людей. Миллионер улыбался. Он любил лесть, а этот учитель выливал ее тоннами.

— Браво, браво! — захлопали Рендоллу. Все глядели на миллионера, который, улыбаясь, мягко хлопал своими пухлыми подушками-руками.

Началась церемония приведения детей к присяге. Дети выстроились парами, подходили к знамени и произносили торжественные слова, выражающие преданность американскому флагу. Все шло гладко. Вдруг Рендолл заметил, что группа пионеров стоит в стороне и повидимому не собирается подражать другим. У него захолодело сердце.

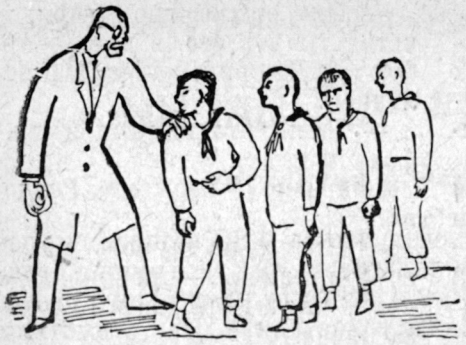
— Фред Мак Лафлин,— произнес он,—следуйте за остальными...

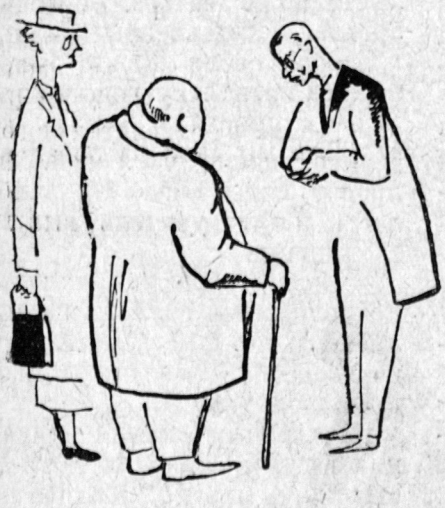
Мальчики не двигались.

Все обернулись к ним. Миллионер, вытирая потную лысину, глядел непонимающими глазами.

— Ну, что же вы, дети?— ласково спросил он.

— Мы не будем приветствовать флаг,— звонко сказал Фред.





В наших знаменах клокочет стройка. Во вражьих задыхаются кризис и голод. Будем упорно и стойко бороться под знаменами партии и комсомола.

— Мы не будем приветствовать флаг,— как эхо, повторили остальные пионеры.

У Рендолла затряслась нижняя челюсть.

— Немедленно к флагу!— истерически закричал он.— Немедленно! Слышите?!

Он сжимал кулаки, готовый броситься на оскорбителей. Миллионер отстранил его своей пухлой рукой.

— Это любопытно,— произнес он, оглядывая Фреда и его товарищей.— Почему же вы, дети, отказываетесь сделать то, что составляет долг каждого американского гражданина?

— Мы сожалеем, что мы американские граждане.

— Что такое?— удивился Захария Колвин.

— Да, мы сожалеем об этом,— спокойно продолжал Фред, выходя вперед,— и отказываемся приветствовать американский флаг. Это флаг рабства и угнетения. Всюду, где развевается этот флаг, правительство Соединенных штатов преследует революционных рабочих. Сажает их в тюрьмы, мучает, убивает. Поэтому мы отказываемся приветствовать этот флаг.

— Мерзавцы, негодяи,— шептал Рендолл,— испортили день, испортили.

— Позвольте, дети,— сказал миллионер строго,— кто научил вас этим словам? Вы знаете, что такие вещи преследуются законом?

— Знаем,— хором ответили ребята.

— Знаем и не боимся,— сказал Фред.— Мы, представители пионерской организации, заявляем вам, что не боимся преследований вашего закона. У нас свой закон — революционная борьба против вас, и мы будем следовать ему до конца.

Фред с удовольствием бросал эти слова тому, кого так ненавидели все рабочие нескольких фабрик. Немногие из них решились бы сказать ему в глаза то, что они о нем думали, а вот он, Фред, сказал. Теперь его исключат конечно. Ну и пусть. Ничему путному в этой школе все равно не научат.

— У вас в школе вредное влияние, Рендолл,— сказал миллионер, оборачиваясь к директору школы.— Надо было следить, Рендолл,—недовольно добавил он.

У Рендолла посерело лицо.

— Я давно хотел исключить их, мистер Колвин, их отцы агитаторы и большевики.

— Вы пришлите мне их фамилии, Рендолл,—сказал Колвин, величественно поворачиваясь к выходу.— В нашей школе и на фабрике не должны портить молодое поколение.

— Чтобы заставить нас воевать, не правда ли, сэр?—насмешливо сказал прислушивавшийся к их разговору Фред.— Так будьте покойны: когда мы станем способными воевать, мы пойдем воевать против вас. Запомните это, сэр.

Миллионер покраснел.

— Чтобы их завтра же не было здесь, Рендолл,— сказал он, уходя.— Надо подтянуть школу.

— Будет исполнено, мистер Колвин,— раболепно сгибаясь, прошептал Рендолл.

— Пойдемте, ребята. Здесь нам больше делать нечего,— сказал Фред и пошел к выходу. Товарищи последовали за ним, чуть-чуть струхнувшие, удивляющиеся смелости Фреда. „Так должны поступать и мы“,—думал каждый из них, уходя.

Поровнявшись на лестнице с миллионером, спускавшимся вниз в сопровождении жены и Рендолла, Фред дерзко крикнул:

— Прощайте, сэр, увидимся на баррикадах!—Потом, отойдя, обернулся и добавил презрительно:

— Впрочем, вы-то будете сидеть наверное в подвале. За вас будут драться лакеи.

И вся компания с хохотом пронеслась мимо миллионера.

— Нас теперь исключат, ребята,— сказал Фред, когда все вышли на улицу.—На фабриках готовится стачка, а нам, пионерам, надо быть готовыми к ней. Работы будет много.

ЗНАМЕНА ВСЕХ СТРАН БУРЖУАЗНОГО СВЕТА—
ЭТО ЗНАМЕНА ВРАГА.
ТОЛЬКО ЗНАМЕНИ КРАСНОГО ЦВЕТА
БУДЕМ МЫ ПРИСЯГАТЬ.

ЭЙ, ПИОНЕРОВ КРЕПКИЕ РАТИ,
СМЕЛО БОРЯСЬ С ВРАГАМИ,
ПОМНИ О НАШИХ ЗАПАДНЫХ БРАТЬЯХ,
ПОМНИ И ПОМОГАЙ ИМ!

НА ФРОНТАХ ПЯТИЛЕТКИ

ТЕКУЩИЙ СЧЕТ ПЯТИЛЕТКИ ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИИ

ДАЕМ ПРИМЕР

Яренская ШКМ за зимние каникулы работала по-ударному. Охватили два сельсовета и отсортировали 1814 пуд., т. е. 33 центнера зерна. Страхового фонда собрали $1^1/_2$ тонны, а в других деревнях на 100%. Выпущено 14 стенгазет о посевной кампании и коллективизации. Поставили 42 спектакля. Отремонтировали 4 сельхозмашины. Распространяли литературу и газеты, распространяли облигации. Заем „Пятилетка в 4 года“ распространили среди молодежи на 730 руб. Кроме того все сами шекаэмовцы вступили и организовали колхозы. Организовано 2 колхоза из 32 хозяйств.

Кулачье разнесло слух, что колхозников весной расстреляют, но этой чепухе никто не верит, и мы разъясняли, и в колхозы в это время входят.

ДЕТКОР ВЕНЯ ЛУКОШНИКОВ

Яренская ШКМ

БОЕВАЯ ПОМОЩЬ

На фабрике „Микояновка“ в Ростове-на-Дону в ответ на прорыв база пионеров провела ударную работу: пионеры-фабзавучники становились работать к станкам прогульщиков. Собрали за короткий срок около тысячи рационализаторских предложений рабочих, выяснили причины прогулов, завели черную и красную доски и взяли над ними шефство.

Пионеры-микояновцы получили хороший отзыв рабочих за работу по ликвидации прорыва на фабрике.

ДЕТКОР С. ГУРВИЧ

Ростов-на-Дону

МЫ ТОЖЕ БОРЦЫ ЗА ПЯТИЛЕТКУ

Наша Шарьинская школа ФЗС решила устроить субботник силами учащихся 7-х групп и отработать день на 58-м разъезде на лесозаготовках. 2 последних урока у нас сняли. Нас отпустили домой, чтобы мы собрались в дорогу. К часу мы уже были в школе. Когда все собрались, мы пошли на станцию и сели на товарный поезд, заняв один вагон. Ехать было только два перегона. Ехали весело, пели под гармошку песни. Приехали мы на место часов в пять дня и разместились в одном бараке. Устроили сцену и часов в восемь открыли вечер. Сделали доклад. После доклада поставили пьесу.

На другой день утром, часов в шесть, мы поехали на лошади по снежной дороге за 5 километров от разъезда, где и провели свой субботник. Здесь мы разбились на бригады, и десятник дал каждой бригаде отдельную делянку.

Вот где богатство нашего Союза! Лес, лес и лес без конца. Чтобы увидеть вершины деревьев, нужно высоко закинуть голову.

Нас научили, как спиливать с корня деревья, и мы начали работать. „Пошел по лесу стук и треск“. Там и тут летели спиленные великаны. Проработав до 11 часов дня, мы пошли в барак, который был тут же, чай пить. Пришли в барак и рабочие лесозаготовок.

После чая мы работали до вечера. Вечером десятник обмерил бревна, наготовленные нами, и сказал: „Здорово. Хорошо, если бы это было каждый день, тогда бы мы пятилетку выполнили не в 4, а в 3 года“. Потом приехала лошадь и увезла нас на разъезд. Там мы сели на поезд и поехали домой в Шарью.

ДЕТКОР КУБАСОВ

НА ШВЕЙНОЙ ФАБРИКЕ

Очерк деткора Григория Эпштейн

В МОНТАЖНОМ ЦЕХУ

Пять полок, одна над другой, возвышаются в монтажном цеху. Как дряхлые старики, лежат здесь окутанные густой сетью паутины двадцать зингеровских испорченных машин.

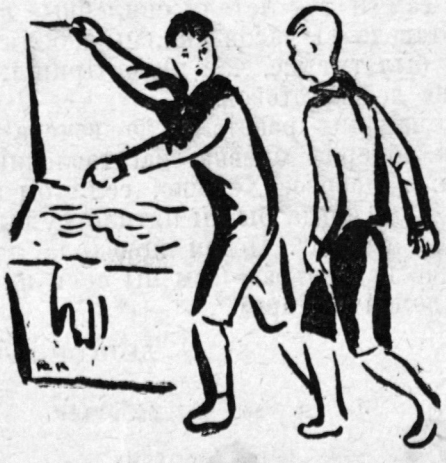
На пожелтевшем от густого масла верстаке стояла петельная машина с блестящей черной лакированной платформой, с золотым оттиском „Зингер К° 71“, резко выделяясь среди других машин с заржавленной, поломанной кареткой [1].

Прогулы и преступно халатное отношение к ремонту машин вошли в „расписание“ механиков цеха.

Колька Гурвич предложил устроить в монтажном цеху общее собрание.

— Ведь из-за вашего плохого отношения к ремонту машин работницы сидят без работы,— сказал на собрании наш бригадир Леня Смелый.

— А в конце концов от этого страдает промфинплан, который выполнен всего лишь на 78 процентов,—добавила Нина Косторова.



НАХОДКА

На складе фабрики длинными рядами аккуратно разложена уже готовая одежда. Пестрят красные, серые, синие тужурки. Вдруг тишину прорезает звонкий голос Миши Письменного:

— Ребята! Сюда! Нашел!

Миша указал пальцем на семь рядом стоящих огромных ящиков. В пяти ящиках оказались различные лоскуты и тряпки, которые на следующий же день были нами отправлены на бумажную фабрику.

— А в этих двух ящиках катушки,— предупредил нас Миша.

— Раньше катушки уничтожались, а теперь я предлагаю их вновь использовать, — сказала Нина.

---

[1] Деталь швейной машины.

УДАРНЫЙ ЦЕХ

— Ребята,—докладывал Леня,—в белошвейном цеху работает почти одна молодежь. Нужно добиться, чтобы этот цех объявил себя ударным. Комсомольское ядро белошвейного цеха наше предложение поддержало. Но со стороны несознательной части посыпались насмешки.

— Неужели мы будем слушаться этих малышей?— шептала каждому встречному известная прогульщица Марфа Никулина.

Но, несмотря на это, все чаще и чаще вспыхивали над станками красные флажки — знак ударничества. Наконец весь цех закраснел флажками.

Ударники повели за собой всю остальную молодняцкую массу. Пошатнувшаяся было работа белошвейного цеха стала на новые рельсы. Один лишь станок не работал в цеху: место Марфы Никулиной пустовало. Все ударники, чувствовавшие себя винтиками сложного фабричного механизма, заметили, что один винтик выскочил из фабричного механизма.

— А от винтика часто рушится весь механизм,— предупредила бригадирша белошвейного цеха. После долгих убеждений товарищей по станку сама Марфа тоже поняла это.

Боясь подорвать авторитет целого коллектива, она убежденно заявила:

— Больше прогулывать я не буду!

ВЫЛАЗКА КЛАССОВОГО ВРАГА

В Ленинском районе Крыма, в деревне Марфовке, недавно организовался пионеротряд. Ребята проводили агитвоспитательную работу среди детей, отряд проверил готовность колхоза к весеннему севу, помог ему в практической работе: отсортировал семена. Пионерская бригада ребят-ударников при помощи соцсоревнования собрала $1\frac{1}{2}$ тонны железного лома. Кулаки злились и шипели по углам:

— Бей безбожников! Бей пионеров! Не пропускать пионеров!

Кулаки дошли до открытой борьбы. Ночью были избиты пионеры-активисты Яша Петкус, Ваня Загоренко, Шевриков и Тричев. 11-летний пионер-активист Яша Петкус был избит желез-

ной палкой. Ваню Загоренко избил Семен Пешев, сын сосланного кулака. Кулаки Налогов и Перенко избили активных пионеров Шеврикова и Тричева.

В ответ на выступление врага отряд будет еще лучше работать. Поправившиеся ребята пишут, что с еще большей силой готовы бороться за колхозы.

А кулаки предстанут перед пролетарским судом.

МИХ. ГЕФТЕР

Симферополь, Крым

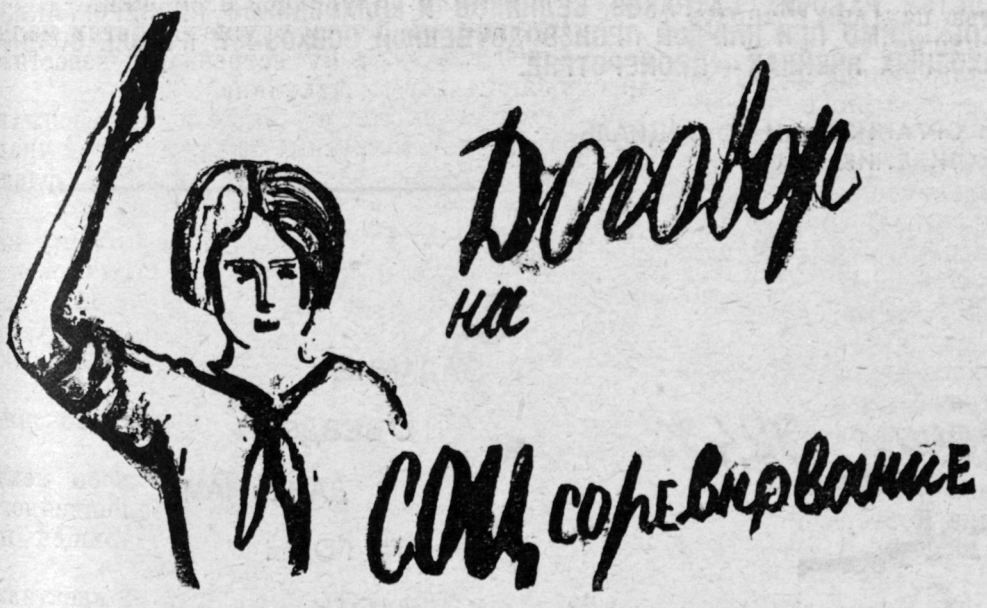


РИС. Г. БЕРЕНДГОФА

ДЕТКОР НИК. ЦИГИПОВ

Чтобы выполнить к сроку задания,
Чтобы путь был по-ленински скор,
Мы о крепнущем СОРЕВНОВАНИИ
Подписали сейчас ДОГОВОР.

Мало хвастать словами порожними
И читать за докладом доклад,
Мы с ребятами из Запорожья
Двинем дело ударных бригад.

Этот лозунг пусть будет нам ЗНАМЕНЕМ,
Карандаш — БОЕВОЕ КОПЬЕ.
Есть средь нас еще Жоржики мамины
И другое утильсырье.

Пусть в кулак они шепчут растерянно,
НАШ ЗАДОР, КАК СОЮЗ НАШ, БОГАТ.
Поднимайте, ребята, уверенно
ВАШЕ ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД!

Дни проходят и стройкою грохают,
За собой увлекают и нас...
Разве может не сжиться с эпохою
Наш безусый энтузиаст?

Мы живем. Мы растем. Мы работаем.
Мы спешим и не знаем прохлад.
Достиженье встает — уже ВОТ ОНО.
Это — ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД.

Сквозь строительный гром перестуков
Нас зовет молодая страна
Заменить навсегда техноруков,
Что пришли из семьи Рамзина.

Зорче глаз! И упорство, ребята!
Недобитый вредитель рогат.
Со старьем мы готовы для схватки,
ВЫШЕ ДЕЛО УДАРНЫХ БРИГАД!

„МЫ СТОИМ НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ БОЕВ ЗА СВЕРЖЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА ВО ВСЕМ МИРЕ. СЕГОДНЯШНИЕ ПИОНЕРЫ, СЕГОДНЯШНИЕ ДЕТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ — ЗАВТРА АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ ЭТИХ БОЕВ. ОТ НАС ЗАВИСИТ, ЧТОБЫ ЭТИ УЧАСТНИКИ ГОРДО И МУЖЕСТВЕННО НЕСЛИ ЗНАМЯ ЛЕНИНА, ЧТОБЫ ОНИ С ЭТИМ ЗНАМЕНЕМ БОРОЛИСЬ И ПОБЕЖДАЛИ ЗА ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА, ЗА ДЕЛО ЛЕНИНА".

(ТАК ЗАКОНЧИЛСЯ ДОКЛАД ТОВ. СЕВЕРЬЯНОВОЙ „О РАБОТЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ" НА IX СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА).

К IX СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИШЛА, УДВОИВ СВОИ РЯДЫ. О ЧИСЛЕННОСТИ ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИИ В ЦИФРАХ И ДИАГРАММАХ РЕДАКЦИЯ ПОМЕЩАЛА МАТЕРИАЛ в № 15 „ПИОНЕРА".

СЕГОДНЯ МЫ ПОКАЗЫВАЕМ СОСТОЯНИЕ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ К IX СЪЕЗДУ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРОИСХОЖДЕНИЮ РЕБЯТ.

IX СЪЕЗД ПОСТАВИЛ ПЕРЕД ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЕЙ СЛЕДУЮЩУЮ ОСНОВНУЮ ЗАДАЧУ: ОХВАТИТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ 100% ДЕТЕЙ РАБОЧИХ, БАТРАКОВ, БЕДНЯКОВ И КОЛХОЗНИКОВ ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЕЙ. ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО, НЕОБХОДИМО ПРИ КАЖДОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СОВХОЗНОЙ ЯЧЕЙКЕ СОЗДАТЬ ПИОНЕРБАЗУ, ПРИ ВСЕХ КОЛХОЗНЫХ ЯЧЕЙКАХ — ПИОНЕРОТРЯД.

ДИАГРАММА ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ПРОИСХОЖДЕНИЮ РЕБЯТ

ЗАДАНИЕ
СЪЕЗДОМ
ДАНО НАМ:
ЗА ЭТИ ГОДЫ
РАСТИ
ОТ
ЧЕТЫРЕХ
МИЛЛИОНОВ
ДО ДЕСЯТИ.
ЧТОБЫ СИЛЬНЕЙ
И КРЕПЧЕ
СТАЛ НАШ РЯД,
НАДО В ОТРЯД
ВОВЛЕЧЬ НАМ
ВСЕХ
РАБОЧИХ РЕБЯТ.
КОЛХОЗНЫХ РЕБЯТ НАДО
В ОТРЯДЫ ОБЪЕДИНИТЬ,
ЧТОБЫ ШАГАЛИ
РЯДОМ
ДЕТИ
ЗАВОДОВ
И НИВ.

ПОЯСНЕНИЯ К „ПРОФЕССИЯМ В РИСУНКАХ“ ИЗ „ПИОНЕРА“ № 7-8

1. Каменщик
2. Сварщик
3. Текстильщик
4. Вагоновожатый
5. Клепальщик
6. Кочегар
7. Наборщик
8. Стрелочник
9. Слесарь
10. Водопроводчик
11. Стеклодув
12. Токарь
13. Кузнец
14. Электромонтер
15. Шахтер
16. Литейщик

ФАМИЛИИ РЕБЯТ, ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНО ОТВЕТИВШИХ НА ЗАДАЧУ „ПРОФЕССИЯ В РИСУНКАХ“ ИЗ № 7-8

1. Голубовский Борис, г. Москва
2. Стрекосов Александр, ст. Карабановка
3. Усиков П., г. Сумы
4. Павлова Г., г. Ленинград
5. Венедиктов В., ст. Карабановка
6. Макаров Вася, г. Ленинград
7. Лукьянов А., г. Тамбов
8. Михельсон Б., г. Ленинград
9. Наумов Н., ст. Быково
10. Н. Лазарева, Крым

ОБЛОЖКА СДЕЛАНА ПО СЮЖЕТУ РАССКАЗА „ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ“ (стр. 18—20).

ФОТОКОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РЕБЯТА, ПРИСЫЛАЙТЕ ФОТО И СТАТЬИ О ФОТОКОРОВСКОЙ РАБОТЕ.

Я ВЕДУ НАСТУПЛЕНИЕ НА КРЕПОСТЬ—ФИЛОСОФИЮ

(О ШУРЕ КЛИМОВОЙ)

Я много следил за письмами деткоров и не нашел такого, кто выбрал бы себе профессию политика, историка-марксиста, философа и т. д

Все идут в слесаря, токаря, моряки, инженеры. Ребята, кто же пойдет биться на идеологический фронт с еще оставшимся врагом? Я пришел к окончательному убеждению о своей профессии — профессора-философа. Правда, задача нелегка. И многие, читая мое письмо, ухмыльнутся: „Ишь мол куда залез! шел бы на завод, а то — в философию“.

Это, ребята, неправда. Я не против физического труда. У нас не должно быть разграничения между умственным и физическим трудом.

И наступает такое время—труд будет как отдых или прогулка, и профессора наравне со всеми рабочими будут работать у станков.

Правда, выбрал я эту профессию недавно. Натолкнули меня на это советы преподавателя обществоведения. До того я думал быть инженером.

Сейчас читаю и прорабатываю марксистскую литературу, слежу за всеми ее новинками. Правда, иногда бывает трудно, помощи у меня нет — приходится одному. Кружков таких пионерских также нет.

Вместе с тем я хочу быть писателем. Готовлюсь к этому не как Элинсон, в одиночку, а состою уже два года в литературном кружке. Члены этого кружка — комсомольцы, взрослые. Приходится подгонять свое развитие до уровня кружковцев. Интересуют меня в работе кружка и вообще в литературе проза и критика. Я считаю правильными взгляды Элинсона о деткоровской работе. Я не чуждаюсь черновой работы в отряде и школе. Большинство знаменитых писателей вышло на литературное поприще через заметку и статью в газете. Это нужно помнить каждому пионеру, желающему быть литератором.

Пишу кроме того рассказы, критические статьи. На них я смотрю, как на работы пробного, учебного характера.

Внимательно слежу за литературной жизнью. Школа мне никакой помощи в выборе профессии не оказала.

ДОРОХИН АЛЕКСЕЙ

Москва, база „Известий ЦИК“

ОТ РЕДАКЦИИ: РЕБЯТА! ПРИСЫЛАЙТЕ СВОИ МНЕНИЯ: ПРАВИЛЬНО ЛИ ДЕТКОРЫ ЭЛИНСОН И ДОРОХИН ГОТОВЯТСЯ К ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ, ТАК ЛИ ДЕТКОР ДОЛЖЕН УЧИТЬСЯ СТАТЬ ЖУРНАЛИСТОМ И ПИСАТЕЛЕМ?

3008

ШКОЛЫ, ОТРЯДЫ ЮП, ВОЖАТЫЕ
И ПИОНЕРРАБОТНИКИ!

ГОТОВЬТЕСЬ К КОНКУРСУ

Вербуйте новые сотни тысяч подписчиков и читателей на руководящие журналы ЦК ВЛКСМ, ЦБ ДКО и Наркомпроса **„ПИОНЕР“, „ВОЖАТЫЙ“, „КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАТЫЙ“**

В конкурсе участвуют все школы, пионеротряды и отдельные ребята.

Каждый завербовавший 25 годовых подписчиков на журнал „ПИОНЕР“ или 10 подписчиков на журнал „КОЛХОЗНЫЙ ВОЖАТЫЙ“, или 15 подписчиков журнала „ВОЖАТЫЙ“ имеет право участия в конкурсе.

УСТАНОВЛЕНЫ ПРЕМИИ: **ФОТОАППАРАТ, КОНЬКИ, ЛЫЖИ, СПОРТИНВЕНТАРЬ, РАДИОПРИЕМНИК, МЕЛКОКАЛИБЕРНЫЕ ВИНТОВКИ, БИБЛИОТЕЧКИ И ЕЩЕ МНОГО ДРУГИХ ИНТЕРЕСНЫХ ПРЕДМЕТОВ.**

КОНКУРС ПРОВОДИТСЯ С 15 ИЮНЯ ПО 15 ИЮЛЯ.

Все ребята должны принять участие в проводимом конкурсе.

Подписку или список с записавшимися ребятами сдавайте ближайшему отделению магазина Книгоцентра, уполномоченному ОГИЗа или на почту и получайте от них справку о том, сколько сдано вами подписки, на какую сумму и на какой срок, и присылайте по адресу: г. Москва, Маросейка, 7 Периодсектор Книгоцентра, Отделу распространения или местным отделениям Книгоцентра.

ПЕРИОДСЕКТОР
КНИГОЦЕНТРА

Уполномоченный главлита Б — 3737 СтАт А4 210×297 мм. М. Г. № 1829. З. Т. 1468

Отпечатано в 7-й типографии Мосполиграфа «Искра Революции», Москва, Арбат, Филипповский пер., 13